САВЕЛІЙ ГРАБЪ,

или

ДВОЙНИКЪ.

Въ одной изъ Ново–Россійскихъ, полу–украинскихъ губерній нашихъ, проживалъ помѣщикъ Сергѣй Сергѣевичъ Бабачокъ. Онъ прослужилъ, по гражданской части, въ поту лица своего, 35 лѣтъ, тихо, смирно, осторожно, все молчалъ, вздыхая да потирая лобъ, и — 35 лѣтъ время долгое; набѣгала и случалась всякая всячина; кто отъ хлѣба бѣгаетъ? Сергѣй Сергѣевичъ потихоньку, да помаленьку скопилъ и сколотилъ что было можно; а чего нельзя, за тѣмъ онъ и не гонялся. Женившись на дочери тамошняго помѣщика, взялъ онъ за женою деревеньку, Шпиговку, но вскорѣ началъ почесываться указательнымъ пальцемъ лѣвой руки за ухомъ, что служило знакомъ неудовольствія и случилось именно тогда, когда Сергѣй Сергѣевичъ увидѣлъ, что на Шпиговкѣ

было ровно столько же долгу, во сколько оцѣнилъ онъ приданое жены своей, Степаниды Ѳоминишны, прокинувъ на счетахъ число душъ и число десятинъ. Со счетами же Сергѣй Сергѣевичъ такъ свыкся и сжился, въ продолженіе тридцати пятилѣтней службы своей, что даже не могъ уснуть ночью, если ихъ не было на столикѣ, подъ рукою. По этому Сергѣй Сергѣевичъ не прокидывался на счетахъ никогда, не ошибался.

Дѣлать однакоже было нечего; Сергѣй Сергѣевичъ выкупилъ деревеньку изъ своего кармана, сталъ хлопотать, сколько было ему воли и власти отъ Степаниды Ѳоминишны, о приведеніи дѣлъ въ порядокъ — но Степанида Ѳоминишна вскорѣ устранила его вовсе отъ всѣхъ хлопотъ и заботъ по управленію имѣніемъ, предоставивъ ему только голосъ въ семейномъ совѣтѣ о тяжебныхъ дѣлахъ и дѣловой перепискѣ; а какъ природа Сергѣю Сергѣевичу въ голосѣ рѣшительно отказала, особенно сравнительно съ голосомъ супруги его, то вся выгода которую Бабачокъ

пріобрѣлъ отъ законнаго супружества своего была та, что Степанида Ѳоминишна выростила и выкормила ему полонъ домъ дѣтей — кто говоритъ девять, а кто тринадцать; извѣстно только съ достовѣрностію, что число ихъ было нечетъ. И такъ безгласный хозяинъ своего добра по неволѣ забавлялся иногда только тѣмъ, что прокидывалъ на счетахъ и провѣрялъ нечетное число ребятъ и дѣвчонокъ своихъ, то есть дѣтей, и скидывалъ съ костей тѣхъ, которыхъ уже отдалъ на службу и пристроилъ, а иногда и слѣдующихъ за тѣмъ, въ надеждѣ сбыть съ рукъ вскорѣ и этихъ, и потомъ клалъ опять преспокойно счеты на завѣтное мѣстечко.

Двухъ взрослыхъ барышень, невѣстъ, Настасью и Меланью, Сергѣй Сергѣевичъ самъ обучалъ играть на гусляхъ, и этимъ ограничивалось ихъ свѣтское воспитаніе; домашнее, хозяйственное воспитаніе, было разумѣется въ рукахъ у матери и мы дальше не разъ еще увидимъ какъ Степанида Ѳоминишна сама подавала дочерямъ своимъ примѣръ доброй и

расчетливой хозяйки. Старшій сынокъ, Митя, малый лѣтъ пятнадцати, любимое дѣтище и баловень матери, жилъ еще дома, равно какъ и съ пятокъ младшихъ; двоихъ же среднихъ, чтобы избавиться отъ шуму и драки ихъ и уберечь гусей, утятъ и индюшекъ отъ мѣткихъ ихъ самострѣловъ, пристроили уже въ Черноморскій флотъ — какъ во время оно водилось — гардемаринами. Такъ они уже носили вицъ–мундиры съ кортиками и бѣгали иногда, въ изорванныхъ сапогахъ, на попову балку, стрѣлять изъ камышевыхъ и деревянныхъ пушекъ, и гонять на бойняхъ собакъ; ходили и за мостъ, выдирать изъ крутаго прибережья гнѣзды щуровъ. Но это все равно для насъ, благо оба они пристроены и мы и Сергѣй Сергѣевичъ отъ нихъ избавились: объ нихъ у насъ, предупреждаю читателя, болѣе не будетъ и рѣчи.

Сегодня праздновали именины старшей дочери, Настасьи, а на завтра былъ день рожденія второй, Мелаши. Эти два дня всегда праздновались вмѣстѣ; и нынѣ, какъ

изстари, гости начали съѣзжаться со всѣхъ концевъ, чтобы пропировать два праздника сряду. Выпотрошенныя курицы лежали уже, чинно и по парно, на кухонномъ столѣ; старый волъ, который сходилъ уже разъ одиннадцать подъ Перекопъ за солью, или въ Одессу съ арнауткой, былъ преданъ семейному пиру на жертву; задорный теленокъ, который надоѣдалъ Степанидѣ Ѳоминишнѣ тѣмъ, что всегда высасывалъ дойныхъ коровъ, былъ также обрѣченъ съѣденію; и знаменитый Савка — поваръ, дворецкій, винокуръ, охотникъ; иногда и кучеръ, онъ же садовникъ, лекарь, коновалъ, строитель мельницъ, колодцевъ и голубятень, а по сему послѣднему въ особенности правая рука Дмитрія Сергѣевича, Митеньки, который славился черногривыми, сивобокими и рыжехвостыми вертунами своими — Савка изъ кожи лѣзъ, чтобы всѣмъ сладить, все уладить и поставить на ноги два обѣда и два ужина. Родъ паштета, на манеръ битаго, фрикасей безъ костей, соусъ подъ наливкой, жареное сверху и съ низу,

чудакъ–рыба подъ насѣчкою и спускомъ (судакъ съ подливкой), дура–птица съ господскими кишками (индѣйка съ начинкой), русакъ съ прошивкой (шпигованный заяцъ), намагниченный французъ (жареный поросенокъ) и наконецъ ижица съ точкой, то есть пирожное — такъ, только еще подробнѣе и обстоятельнѣе, доносилъ Савка Митенькѣ о качествѣ и количествѣ блюдъ для нынѣшняго обѣда. И Митя нашъ помиралъ со смѣху; а когда Савка продолжалъ: какъ быть; надо лычко показать ремешкомъ; надо скатерть–хлѣбосолку съ чернаго конца на красный хоть зубами натянуть — а лопнетъ такъ и то не бѣда; зашилъ, зачинилъ, какъ съ гуся вода... то Митя продолжалъ ревѣть все тѣмъ же заливнымъ хохотомъ, не понимая и не подозрѣвая даже о чемъ тутъ идетъ рѣчь.

На канунѣ праздника была представлена дуо–драма въ лицахъ, *не впользу* г–жи Бабачокъ, между нею и сыномъ ея Дмитріемъ: послѣднее явленіе кончилось тѣмъ, что вся дворня столпилась въ

передней, а Настя и Мелаша насилу уняли и розняли просьбами и слезами разгнѣванную мать и обиженнаго сыночка ея. Они не много погорячились на счетъ вопроса: какихъ лошадей велѣть заложить, чтобы послать за близкими сосѣдями, Бублинскими: Митя, изволите видѣть, съ нѣкоторыми свыкся и сжился, называлъ ихъ премудреными именами, которыхъ у Савки было въ запасѣ многое множество, называлъ ихъ *своими* и не хотѣлъ съ ними разстаться. Сергѣй Сергѣевичъ, впродолженіе цѣлаго представленія, игралъ на гусляхъ: Чѣмъ я тебя огорчила, съ варіяціями. Слѣдовательно, во время представленія, была, какъ водится, и музыка, хотя только домашняя. — У Бублинскаго былъ взрослый уже пасынокъ, такъ его покрайней мѣрѣ обыкновенно величали — былъ пріемышъ Ивася, Василій Ѳедоровичъ, о которомъ шла молва, что онъ богатъ. Вотъ почему за ними посылали рыдванъ съ записочкой, не оставить именинницу посѣщеніемъ своимъ, съ фамиліею и семействомъ.

Время было около полудня и гости сильно стали съѣзжаться. Что за потѣшные снаряды для ѣзды, сползлись и сгромоздились тутъ со всѣхъ концевъ уѣзда на одинъ дворъ! Тутъ рыдванъ или колымага, съ виду верблюдъ, по походкѣ черепаха; тутъ какая–то линейка, двоюродная сестра дрогамъ, на которыхъ у насъ возятъ покойниковъ; а вотъ линейка однодрогая, по два чемоданчика на сторонѣ и къ нимъ сыромятные запоны или фартуки, смазанные дегтемъ; или взгляните вотъ на эту двуспальную кровать, со стойками, перекладинами, съ кожаными, подбитыми ситцемъ занавѣсами на кольцахъ; это линейка шести–мѣстная, то есть, въ нее садится 12 человѣкъ. Въ тихую погоду и при небольшомъ навыкѣ всегда можно было отгадать за полверсты, кто изъ сосѣдей приближается въ колесницѣ своей, по одному стуку и бряку разшатавшихся гаекъ, шинъ, скобъ и рваней. Екипажъ Степана Власовича Пушки въ особенности славился по околодку своеродностію звука, издаваемаго имъ съ той минуты, какъ

чубарый меринъ трогался съ мѣста. Степанъ Власовичъ Пушка, старый холостякъ, отставной гусарскій маіоръ, купилъ *струментъ* этотъ, какъ самъ онъ называлъ безыменную колесницу свою, въ губернскомъ городѣ, съ молотка. Это случилось, какъ Степанъ Власовичъ хорошо помнитъ, въ тотъ же годъ, какъ плѣннаго Костюшку привезли въ Петербургъ; и съ тѣхъ поръ Пушка ѣздилъ безсмѣнно на этомъ струментѣ.

Степанъ Власовичъ былъ хохолъ, во всемъ смыслѣ слова: гостепріименъ, радушенъ въ бесѣдѣ, шумливъ, крикливъ, шутливъ, острякъ, горячъ, хитеръ, вспыльчивъ какъ порохъ; добръ, готовъ былъ отдать другу послѣднюю рубаху; если же маіора чѣмъ нибудь раздражали, золъ и лютъ до того, что уже не помнилъ себя. Когда разъяренный Степанъ Власовичъ вскрикивалъ бывало не своимъ голосомъ: *плетей!* то вся дворня, все село падало ницъ вокругъ него и съ трепетомъ ожидало участи своей. Подгулявши, Пушка былъ гораздо добрѣе, его не легко было

разсердить, хитрость его ему измѣняла и онъ всякому повѣрялъ свои тайны. Степанъ Власовичъ былъ вообще человѣкъ добраго сердца и очень здраваго ума, но прикидывался неучемъ и рѣзалъ всякому такую правду въ глаза, что иногда даже у неприкосновенныхъ къ дѣлу слушателей волосъ подымался дыбомъ. Пушка присвоилъ себѣ право трунить надо всѣми, дурачить кого угодно; и никто не смѣлъ за это явно и гласно сердиться, обижаться этимъ, если не хотѣлъ попасть въ постоянные и безсмѣнные дураки. Маіору, казалось, ни до чего на свѣтѣ не было дѣла, онъ не зналъ никакихъ уставовъ и принятыхъ условій общежитія, а жилъ независимо, на свой ладъ, говорилъ и дѣлалъ все по своему, какъ и что на умъ приходило; знался со всѣми, а всѣхъ держалъ въ какой–то зависимости отъ себя, всѣхъ невольно заставлялъ уважать себя и нѣкоторымъ образомъ даже бояться. А что скажетъ на это Степанъ Власовичъ? спрашивали всѣ сосѣди другъ у друга, или покрайней мѣрѣ сами у себя, почти каждый

разъ, когда что нибудь затѣвали, когда волей или неволей подавали поводъ къ какому нибудь гласному случаю или происшествію. Но постояннымъ любимцемъ маіора былъ загадочный пасынокъ Бублинскихъ, Ивася. Съ этимъ онъ сиживалъ и толковалъ по цѣлымъ часамъ о всякой всячинѣ, и не рѣдко про себя, избѣгая по видимому третьяго собесѣдника. И такъ, стукотня и брякотня колесъ и дрогъ, крикъ кучеровъ, лай собакъ, объятія и звонкія лобзанія, все это частію угомонилось, а частію переселилось на задній дворъ, гдѣ откладывали лошадей, устанавливали колымаги, убирали упряжъ, здоровались съ приправою сочныхъ и пряныхъ прибаутокъ и расхищали, съ крикомъ, шумомъ и смѣхомъ стожокъ плохонькаго *гостиннаго* сѣнца. Одинъ клялся и божился, что сѣно это Бурьяну близко сродни приходится; другой, что кони его храпятъ и боятся этого сѣна; третій увѣрялъ, что на однихъ репьяхъ, коли выбрать ихъ изъ охабки этого сѣна,

можно настоять бочку грушеваго квасу, и прочее.

Между тѣмъ въ барскихъ покояхъ все шло своимъ чередомъ и порядкомъ. Барыни въ гостинной чинно насидѣлись; барышни, столпившись вкругъ холодной печи, нашушукались вдоволь; молодежъ, кавалерскаго полу, въ брызжахъ, въ ситцевыхъ шейныхъ платкахъ, подъ цвѣтъ платьямъ барышень, нашаркались, наломались и наловили съ три короба невзначай оброненныхъ миловидныхъ взоровъ и вздоховъ, вытерли стѣны и двери спинами своими вокругъ; Сергѣй Сергѣевичъ обошелъ уже все честное и почетное общество съ двумя огромными подносами, слѣдовавшими за нимъ по пятамъ, низко кланялся передъ каждымъ гостемъ и говорилъ едва слышнымъ, несмѣлымъ и сладенькимъ голосомъ своимъ: извольте матушка, или батюшка, покушать — не прогнѣваться, почтить насъ, отвѣдать наливочки домашней, какова ни есть, жена да дѣти стряпали — и получивъ отказъ или приказъ, продолжалъ, кланяясь:

терновки неугодноли? а вотъ вишневка, вотъ и смородиновка — или вы, можетъ черной смородиновки неизволите кушать? Вотъ горькая.... да хоть закусить неугодноли чего.... Савка живо скинулъ съ себя черный передникъ свой, чтобы сыграть дворецкаго, уговорилъ Митеньку, который все еще сидѣлъ на кухнѣ, снять съ плечъ своихъ и отдать ему на одинъ мигъ зеленый фракъ свой и часы, и замотавъ очень искусно одну руку въ салфетку, вышелъ въ гостинную и доложилъ громко и отрывисто, что кушать подали. Савка былъ малый бывалый, жилъ три года на выучкѣ въ губернскомъ городѣ и зналъ какъ что водится и дѣлается; на этотъ счетъ и сама Степанида Ѳоминишна съ нимъ не спорила, если только затѣи его не требовали новыхъ расходовъ.

По слову вставшей съ мѣста хозяйки: «милости просимъ,» вся армада снялась съ якоря. Старики и старухи начали пароваться, подавая и принимая, съ обязательнымъ словомъ или взглядомъ, локоть и руку, а молодцы наши стояли

ощипываясь и охорашиваясь неподвижно по стѣнамъ; дѣвицы, пошушукавъ и пощебетавъ, обнявшись всѣ въ одну плетеницу, насилу протѣснились въ дверь столовой; наконецъ и кавалерія, послѣ убѣдительныхъ приглашеній хозяина, приступая и отступая опять до нѣсколькихъ разъ, тронулась всей гурьбой, выдвинулась въ столовую и выстроилась тамъ снова по стѣнамъ. Одинъ только Ивася подошелъ къ Мелашѣ и свелъ ее къ обѣду: именинница ушла уже въ первой парѣ, съ Маіоромъ.

Когда все это разсѣлось, размѣстилось и угомонилось, то для меня всего любопытнѣе былъ — рядъ чепцовъ, чинно усѣвшихся пожилыхъ барынь. Это въ самомъ дѣлѣ было диковинное собраніе какихъ–то единственныхъ въ своемъ родѣ кисейныхъ, филёшевыхъ и петинетовыхъ — тряпицъ этихъ тогда еще не называли тюлемъ и газомъ — кисейныхъ карабликовъ, цвѣтниковъ, вавилонскихъ башень, китайскихъ бесѣдокъ съ флюгарками и бубенчиками. Савка каждый разъ послѣ такого праздника подавалъ

вечеромъ на сальныя свѣчи хитро вырѣзанныя и сложенныя бумажныя фигурки, новаго покрою, и увѣрялъ, что снялъ выкройку съ чепца Анны Ивановны, или Авдотьи Поликарповны. Злые языки между прочимъ разсказывали, какъ извѣстное дѣло, что Авдотьѣ Поликарповнѣ мужъ ея, въ былое время, привезъ изъ столицы шляпу и чепецъ. При укупоркѣ вещей этихъ, маршандемодка надѣла чепчикъ на шляпку; но Авдотьѣ Поликарповнѣ это и въ голову не пришло: она разъѣзжала всюду въ шляпкѣ, на тулью которой вздѣтъ былъ чепецъ, и увѣряла всѣхъ, что нынѣ такая мода, что это прислано прямо изъ столицы. А что завезенный въ кои вѣки разъ чепецъ новаго покрою надѣвали задомъ напередъ, или бочкомъ и наизнанку, къ этому уже до того привыкли въ окрестностяхъ Шпиговки, что даже почти не смѣялись, если дѣло и обнаруживалось, и чепецъ, оборотившись, садился какъ слѣдуетъ, на свое мѣсто. Изо всего этого читатели видятъ, что Савкѣ

подлинно было съ чего сымать выкройки и образцы для фигуръ на сальныя свѣчи.

Дурное вино расходилось какъ шербетъ на байрамѣ; старички начали сопровождать жаркія пренія свои о политикѣ и винокурнѣ движеніями ножей и вилокъ по воздуху; тетушки и кумушки сплетничали, приговаривали да поддакивали такъ, что любо было слушать; барышни уже не только чирикали про себя, а вступили, подъ шумокъ, въ разговоръ съ супротивною ширенгою молодежи. Разговоръ этотъ конечно грузился только на плоскодонную разшиву, и потому, не пускаясь въ открытое море, держался отмелей и береговъ; это была, такъ сказать, бесѣда ботажная, прибережная; но что нужды: все таки дѣло шло впередъ, общее веселье распространялось, всѣ были веселы и довольны. Голосъ Степана Власовича раздавался уже черезъ всю столовую, прикрикивалъ и заглушалъ десять голосовъ, которые не успѣвали отшучиваться и отвертываться отъ колкихъ и рѣзкихъ его замѣчаній. Всеобщій хохотъ разливался

иногда по всему столу и старики утирали кулакомъ крупныя слезы. Вдругъ двинулся стулъ — другой — третій — барыни и барышни вскочили, столпились въ кучу — «що тамъ таке?» спросилъ Пушка, поднявъ рюмку и протянувъ шею. «Ирина Титовна упала въ обморокъ, ей сдѣлалось дурно.» «Впала, возразилъ маіоръ, ще тая буйволыця колысь кого небудь задавыть» — и выпилъ спокойно свою рюмку. Между тѣмъ, Савка вбѣжалъ опрометью съ бутылкою цымлянскаго, что нынѣ шампанское, безъ котораго, какъ вы знаете, у насъ на Руси именинъ не бываетъ, и чуть не сбилъ съ ногъ, или вѣрнѣе съ рукъ, Ирину Титовну, которую несли укладывать на постель. Савка стоялъ въ 3–й позиціи, натиснувъ пробку на бутылку и казалось спрашивалъ всѣхъ бѣглымъ взоромъ: что же изъ этого будетъ? Хозяева опять просили садиться, но маіоръ вставъ громогласно сказалъ: «не садытеся, бо впьять будете уставать: за здравіе имьянынныци! кто живъ та у Бога вируе, крычыть ура!» Ура! раздалось по цѣлому

дому — Пушка провелъ ловко рюмкою по всѣмъ пуговицамъ гусарской бекешки своей, снизу вверхъ и сверху внизъ, и разбилъ рюмку въ дребезги о каблукъ, замѣтивъ: «шкода що нема шпорывъ!» Настасья, именинница, привстала, взяла высокую и поджарую рюмку въ руки, всѣ зашишкали, Настя присѣла, отблагодарила смѣлымъ голосомъ, въ избранныхъ выраженіяхъ, поздравителей своихъ и ущипнула губками клубящуюся пѣну.

Шумный рой началъ расходиться гораздо съ меньшею жеманностію чѣмъ садился за столъ. Шумъ, хохотъ, разговоры, непринужденно переселились въ гостинную. Неуклюжіе ганимеды въ полосатыхъ, тиковыхъ курткахъ и набойчатыхъ шейныхъ платкахъ, взятые съ псарни и съ конюшни, разносили кофе, избочениваясь и перегибаясь со страхомъ впередъ и набокъ и поднося огромный подносъ каждому гостю подъ локоть. Вскорѣ все по маленьку утихло; гости разбрелись туда и сюда, по закоулкамъ и отводнымъ покоямъ, для отдыху. Русскій

человѣкъ любитъ поѣвши отдохнуть; и въ деревняхъ нашихъ, особенно если собираются пировать два, три дня сряду, обычай этотъ еще не выводится.

Ивася отправился въ садъ съ однимъ человѣкомъ, который долго не зналъ какъ къ нему приступиться, но наконецъ, скрѣпя сердце, подошелъ и просилъ «Василія Федоровича,» робко и смиренно, пособить ему устроить какой–то сюрпризецъ, потѣшные огни.

Человѣкъ этотъ, котораго мы за большимъ столомъ именинницы не видали, отобѣдалъ за дѣтскимъ столомъ, съ Федей, Гришей, Филей и Сашей, съ младшими хозяйскими дѣтьми. Это былъ — учитель и воспитатель, кандидатъ философіи Евстратъ Богдановичъ Горемыкинъ. Сидя за учебнымъ столомъ съ воспитанниками своими, онъ давно уже повытеръ локти на казимировомъ фракѣ своемъ, а новаго еще не заработалъ. Впрочемъ, Евстрата Богдановича кормили въ обыкновенные дни за общимъ столомъ; а сверхъ того, Сергѣй Сергѣевичъ насыпалъ ему иногда, тайкомъ

отъ супруги своей, въ корковую табакерку съ портретомъ Блюхера, бергамотоваго или роменскаго табаку и разговаривалъ съ нимъ, съ Горемыкинымъ по вечерамъ, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ, о политикѣ, о хозяйствѣ; и тогда Евстрату Богдановичу приносили даже, для компаніи, стаканчикъ слабенькаго пуншу. Пуншъ этотъ приготовлялся впрочемъ съ кизлярскою водкою и клюквеннымъ сокомъ. Евстратъ былъ добрый, хорошій малый, съ умомъ и способностями; но школьное, тупое, убійственное воспитаніе прежнихъ временъ, заморило все, что только пыталось выказать отростки свои наружу, на этой довольно плодородной почвѣ. Евстратъ сильно начиналъ чувствовать это, но не зналъ и не понималъ еще въ чемъ дѣло: сравненіе самаго себя съ Ивасей, который воспитывался дома, самъ собой, не видалъ еще въ глаза ни семинаріи, ни Университета, на которомъ не было еще никакого ученаго званія, казалось Евстрату для себя не выгоднымъ; и вотъ что подало ему первый поводъ къ

раздумью. До выводовъ и заключеній Горемыкинъ еще не добрался. Сверхъ того, бѣднякъ, при нынѣшнемъ мѣстѣ своемъ, былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ, былъ убитъ духомъ. Робко и не смѣло спрашивалъ онъ утромъ, одѣваясь, недочищенные сапоги свои, съ оглядкою садился въ обѣдъ за столъ, послѣднимъ, давъ всѣмъ сперва усѣсться, и тихо и осторожно сымалъ съ себя вечеромъ изношенный фракъ свой, не смѣя даже его встряхнуть, хотя и зналъ напередъ, что фракъ этотъ останется на другой день нечищеннымъ. Громкаго разговора Евстратъ никогда и ни съ кѣмъ не осмѣливался заводить; гдѣ разговаривали двое или трое, тамъ онъ только слушалъ, самъ же изрѣдка заводилъ бесѣду особнячкомъ, и дѣлалъ это скромно, осторожно, какъ будто ощупывая напередъ носкомъ сапога мѣсто, на которое хотѣлъ ступить, чтобы не обмолвиться, не оступиться; если же подходили другой и третій и начинали рѣшать и спорить вслухъ, тогда Евстратъ отступалъ шага два въ сторону и

замолкалъ. Федю, Гришу, Филю и Сашу, зывалъ онъ всегда по батюшкѣ, Сергѣевичами, и даже знаменитаго Савку не иначе какъ Савельемъ Ивановичемъ.

И такъ Горемыкинъ отправился съ Ивасей въ садъ. Проходя по боковой дорожкѣ, Ивася увидѣлъ мелькомъ бѣлое платьице и желтозеленый фракъ. Ивася взглянулъ только и промолчалъ; Горемыкинъ, казалось ничего не видалъ. Въ полуразрушенной, обширной красной бесѣдкѣ, давно уже предоставленной въ собственность воробьямъ и галкамъ, на самомъ концѣ безконечнаго сада, всѣ стѣны были увѣшаны и уставлены ракетами, колесами, бураками, римскими свѣчами; а сѣра, селитра, антимоній, мякоть, штопинъ и другіе припасы, покрывали полъ и лавки. Савка былъ уже здѣсь и поплевывая заклеивалъ и замазывалъ тутъ и тамъ разныя погрѣшности. «У насъ, началъ онъ, нѣтъ масляны безъ блиновъ, нѣтъ Святой безъ яицъ; спасибо что пожаловали, Василій Федоровичъ; наши подымашечки, полетушечки, подземельнички,

повертушечки, попрыгушечки и кресалочки, только васъ и ждали; извольте дать распорядокъ, а уже все готово.» Ивася осмотрѣлъ все, далъ совѣтъ свой какъ что разставить и самъ началъ помогать въ работѣ. Была тутъ и Вяземская коврижка, какъ Савка ее звалъ, то есть небольшой щитъ съ вензелемъ Настасьи, знаменитой именинницы.

Это хорошо, Евстратъ Богдановичъ, сказалъ Ивася, что вы и объ этомъ подумали — вы, кажется, каждый домашній праздникъ встрѣчаете какою нибудь потѣхою?

Евстратъ глубоко вздохнулъ и сказалъ: «я съ вами, Василій Федоровичъ, говорю какъ–то смѣлѣе, и я вамъ признаюсь, что меня потѣхи эти не тѣшатъ. Правда, что я самъ всему виноватъ; я самъ и отъ себя въ первый разъ на это напросился; но намѣреніе мое было склонить дѣтей Степаниды Ѳоминишны принять въ этомъ участіе; я хотѣлъ чтобы они обрадовали чѣмъ нибудь родителей своихъ — а вышло не то. Сюрпризы эти, по неосторожности

моей, вошли нынѣ въ кругъ обязанностей моихъ; съ меня ихъ требуютъ, спрашиваютъ; и это сдѣлалось уже собственно моимъ дѣломъ, а не дѣтей, для которыхъ я было все затѣялъ. Барышни, особенно Меланья Сергѣевна, этотъ ангелъ доброты, мнѣ всегда охотно помогали; а воспитанники мои» — въ это время голосъ Савки раздался позади ихъ; они оглянулись — Федя, Гриша, Филя и Саша лукали камешками черезъ тынъ въ разставленныя колеса, и послышавъ голосъ Горемыкина и Иваси, прыснули, какъ шаловливыя кошки, во всѣ четыре стороны.

Солнце уже садилось, когда товарищи наши все уладили и разставили и возвращались въ барскій домъ. Здѣсь встрѣтили они на крыльцѣ Митеньку, босикомъ и безъ кафтана. Митя изволите видѣть, попраздновалъ именины сестрицы не хуже другихъ; а потомъ, когда всѣ гости разошлись, уснулъ на просторѣ въ диванной, разулся и раздѣлся. Очнувшись подъ вечеръ онъ увидѣлъ, что гости уже собираются въ залѣ и въ диванной, — Митя

схватился, выскочилъ безъ оглядки на крыльце, въ садъ, и сидѣлъ тамъ и ждалъ подмоги. Горемыкинъ долженъ былъ его выручить, вынести ему въ садъ сапоги и фракъ.

Какъ только смерклось и подали свѣчи, то два хлопца въ тиковой ливреѣ своей вынесли изъ заднихъ комнатъ съ большою осторожностію знаменитые гусли. Сергѣй Сергѣевичъ шелъ за ними шажкомъ и тихомолкомъ, понюхивая табачекъ, покрякивая и утираясь свернутымъ въ тугой клубочекъ клѣтчатымъ платкомъ. Въ дверяхъ попотчивалъ онъ Евстрата табакомъ, все молча, но кругленькіе глазки сверкали, удовольствіе выражалось на лицѣ; видно было, что гусли эти составляютъ всю отраду, все приволье Сергѣя Сергѣевича. Радостныя восклицанія дѣвицъ, въ полголоса, встрѣтили эту нечаянность. Чтобы не занимать лишняго мѣста, художникъ сталъ съ гуслями своими въ уголокъ, положивъ ихъ на пару обороченныхъ другъ къ другу спинками стульевъ. Молча вздернулъ Сергѣй

Сергѣевичъ рукава сертука своего въ поллоктя и наложилъ пальцы на струны. «Баянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслію по древу, сѣрымъ влкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облаки — вѣщіе персты на живая струны вскладаше, они же сами славу рокотаху!» Сергѣй Сергѣевичъ славился бывало въ кругу знатоковъ, тѣмъ, что съ особеннымъ искусствомъ и ловкостію накрывалъ пястью и локтемъ струны, гдѣ надо было, при переходахъ, заглушить прежніе звуки.

Барышни похаживали цѣпляясь другъ за дружку и напередъ уже обмахивались платочками; кавалерія расправляла плеча и перчатки, перестегивалась и выправлялась, будто ожидая команды: *смирно!* И Митя вошелъ было, остегнувшись на всѣ пять пуговицъ, но покосившись на всѣхъ изподлобья ушелъ опять на псарню. Изъ дѣвичей раздавался рѣзкій и тонкій голосокъ Степаниды Ѳоминишны, а Сергѣй Сергѣевичъ вторилъ отрывисто на басахъ самогудовъ своихъ. Въ гостинной

раскидывали зеленый столъ и Савка старательно сколачивалъ молоткомъ измѣнившія на этотъ разъ мѣдныя петли. Сергѣй Сергѣевичъ счелъ за благо покрыть всѣ разнородные отголоски эти по возможности громкимъ и сильнымъ созвучіемъ, ударилъ въ струны, сдѣлалъ переходъ и покачивая легонько шарообразной головкой своей съ плеча на плече, въ ладъ и въ мѣру, которая была на этотъ разъ 6/8 или 3/4, произвелъ на свѣтъ знаменитый въ свое время Польскій: Славься симъ Екатерина, славься нѣжная къ намъ мать!

Степанъ Власовичъ, въ гусарской бекешкѣ своей, открылъ уже съ хозяйкою дома балъ; всѣ слѣдовали его примѣру, пара за парой шаркали уже длинной, дугообразной вереницей по залу, присѣдая немножко и отмѣчая головой осьмухи — Степанъ Власовичъ выкинулъ какую–то прехитрую фигуру, гдѣ надобно было каждой парѣ разойтись, обойти кругъ и опять слиться въ одно цѣлое; штука эта произвела не большое замѣшательство,

пары разбились, кавалеры шаркали сами по себѣ, а дамы, въ нерѣшимости, взглядывались, пріостанавливались и перебили очередь; Степанъ Власовичъ кричалъ, командовалъ, суетился....

Въ это время — да нѣтъ, тутъ нужна кисть, а не перо! Въ это самое мгновеніе свора гончихъ молодаго барина, на смычкѣ, съ воемъ и лаемъ кидается опрометью, зря, въ средину пестрыхъ и чопорныхъ рядовъ; сбиваетъ съ ногъ, безъ разбору, кто первый попался; дамы врознь, разумѣется съ крикомъ и визгомъ, кавалеры въ погоню за гончими — и Митя вбѣгаетъ запыхавшись съ арапникомъ въ рукахъ: *Полетъ! Ползунъ!...* но Полетъ и Ползунъ одурѣли, кидаются въ уголъ, гдѣ пріютился Сергѣй Сергѣевичъ съ музыкой своей — Митя стегнулъ одного изъ нихъ арапникомъ — Ползунъ подъ гусли, а Полетъ черезъ гусли, и попались самогуды наши въ смычекъ, какъ въ бредень! полетѣли они сердешные, загремѣли, и — разсыпались!

Сергѣй Сергѣевичъ отскочилъ въ сторону, тяжело вздохнулъ, повертывалъ

табакерку и не говорилъ ни слова; ахнуло все общество, отъ мала и до велика; Митя стегалъ собакъ, собаки выли, Ирина Титовна сидя въ диванной, обомлѣла, а Степанида Ѳоминишна, завопивъ пронзительнымъ голосомъ: этотъ извергъ уморитъ меня! кинулась и вцѣпилась въ волосы ненагляднаго чада своего.

Вдругъ въ саду раздался выстрѣлъ — другой, третій — всѣ кинулись къ окнамъ, на крыльце — смотрите! ракеты! бураки!... крикъ, смѣхъ, суетня, ахи да охи — все улетѣло въ садъ, до послѣдней горничной и тиковаго хлопца. Ивася, Горемыкинъ и Савка кинулись съ изумленіемъ къ своему созданію и не знали, на что рѣшиться, что начать. Но спрашивать и разбирать: что это значитъ, кто зажегъ? — было некогда; ракеты летѣли, бураки грохотали, а отъ нихъ проведены были неугасимые штопины къ колесамъ и пирамидамъ. Дѣлать нечего, сказалъ Ивася; по мѣстамъ, и жечь все, какъ условились. Сюрпризъ нашъ удался, чего же больше?

Въ самомъ дѣлѣ, надобно признаться, что бураки загрохотали во время. Чѣмъ бы кончился поединокъ Степаниды Ѳоминишны съ Митей, чѣмъ вся эта суматоха и тревога, если бы ракеты не заставили всѣхъ забыть, хоть на минуту, что передъ ними происходило?

Ахъ, какъ мило! безподобно! чудесно! ужасно хорошо! только страшно немного... О, нѣтъ, неужли вы боитесь? — такъ раздавалось въ толпѣ зрителей; а между тѣмъ Савка суетился, какъ бѣсъ передъ заутреней, и благословлялъ подлетушечки свои, брызгалочки и кресалочки.

Все кончилось благополучно; счастливый Евстратъ Богдановичъ похвалъ не обобрался; общество стало веселѣе, развязнѣе, болѣе перемѣшалось, забыли даже на время о гусляхъ, которые огорченный Сергѣй Сергѣевичъ собралъ своеручно и снесъ въ свой покойчикъ, незаботясь о буракахъ; гости усѣлись тутъ и тамъ и бесѣдовали безъ чиновъ; Степанидѣ Ѳоминишнѣ удалось таки съ помощію кумушекъ, залучить Ивасю и

заставить его поразговориться съ Мелашей, которая впрочемъ почти только отвѣчала черезъ сговорчивыя уста своихъ переводчицъ, до того была она запугана этимъ суженымъ, и уроками, какъ съ нимъ обходиться и что ему говорить, и какія ему оказывать ласки.

Вдругъ опять шумъ и тревога, суетня, разговоръ, гдѣ шопотомъ, гдѣ вслухъ — говорятъ: ушли, бѣжали, увезъ, сманилъ, пропали — пропали безъ вѣсти... Ирина Титовна упала въ обморокъ; кричатъ: Савка! Сенька! Фомка! лошадей — коляску — дрожки — Ивася вспомнилъ невольно бѣлую пастушку и зеленаго турухтанчика, въ саду, оглянулся, чтобы обѣжать глазами общество....

Пожаръ! раздалось вдругъ со всѣхъ концовъ, пожаръ! домъ горитъ — и кавалерія кинулась съ топотомъ на рысяхъ, къ дверямъ и окнамъ, между тѣмъ какъ слабый полъ весь боролся уже между жизнію и смерти. Мелаша, взглянувъ на яркое пламя среди теми ночной, вскрикнула и закрыла лице руками; Ирина Титовна

вскочила, опамятовшись, и спрашивала: гдѣ пожаръ?

Весь дворъ стоялъ въ свѣтломъ пламени; гости суетились на одномъ мѣстѣ, или бѣгали безъ толку; давали совѣты, кричали, командовали, а взяться за дѣло было некому. Нѣсколько дворовыхъ и чужіе кучера, также метались туда и сюда, а мужиковъ изъ деревни не видать было ни одного. Маіоръ, Ивася и съ ними Горемыкинъ, въ туже минуту кинулись къ огню. Степанъ Власовичъ также кричалъ и распоряжался, но по своему: ухвативъ каждаго праздношатающагося зрителя за воротъ, не спрашивая кто онъ, гость или хозяинъ, кучеръ или баринъ, маіоръ оглушалъ его градомъ проклятій и тащилъ его на рысяхъ, не давъ опомниться, туда, гдѣ нужны были руки, приговаривая: «это не потѣшные огни, *трястья* тебѣ съ болячками, это домъ горитъ,» и заставлялъ въ тужъ минуту приниматься за работу.

Въ пламени стояла однакоже о сю пору одна только Митина голубятня; но она примыкала почти вплоть къ сараямъ и

конюшнѣ; а всѣ строенія эти были крыты соломою. Ивася однимъ взглядомъ разсмотрѣлъ и сообразилъ все, успѣлъ уже ухватить гдѣ–то топоръ и кинулся подрубать бревно, на которомъ Савка искусно умостилъ крестъ и всю голубятню. Между тѣмъ расторопный Савка взобрался уже по столбу вверхъ и привязалъ къ нему веревку, чтобы свалить голубятню на просторное мѣсто и не дать упасть ей на одно изъ сосѣднихъ строеній. Грибокъ свалили, растащили и залили головни, а Ивася между тѣмъ распоряжался уже на кровлѣ конюшни и увидѣлъ оттуда, на противулежащемъ сараѣ, маіора. Погрозивъ Ивасѣ кулакомъ, Пушка закричалъ: «молодецъ каналія, разцилую!» Къ счастію не было вѣтру; раздергали солому, залили тлѣвшійся тутъ и тамъ огонь, и дѣло было кончено; приставили людей для присмотра, и затѣмъ всѣ возвратились въ покои.

Когда узнали, что бѣда ограничивалась уничтоженіемъ Митиной голубятни, боровика, какъ Савка ее называлъ, и потерею голубей, за которыми Митя лазилъ

теперь съ крикомъ и воемъ по кровлямъ и кричалъ, чтобы ему скорѣе подали силокъ, — когда все это объяснилось, то страхъ и ужасъ миновался, роковой ударъ пронесся мимо. Ивася, въ глазахъ всѣхъ, показалъ себя молодцомъ, старый маіоръ также, и сверхъ того еще насмѣшилъ всѣхъ, заставивъ чопорныхъ и щепетныхъ кавалеровъ лѣзть за собою на кровлю и таскать воду. Стыда ради и они прикинулись теперь, что дѣлали все это охотно и красно разсуждали объ обязанности всякаго, приниматься въ такомъ случаѣ за дѣло своими руками, а не кричать и командовать, потому что крикомъ изба не рубится. Общее веселье завладѣло снова всѣми — и крута гора, да забывчива — принужденность исчезла, всѣ радовались, что бѣдоносная туча пронеслась, всѣ были веселы и очень говорливы.

Маіоръ съ Ивасей вошли переодѣтые — и шумный рой тетушекъ и кумушекъ имъ на встрѣчу, и хозяйская чета низко кланялась и благодарила. Маіоръ поцѣловалъ еще разъ Ивасю, назвалъ его при всѣхъ

канальею, и сказалъ: «Молодець дитына, яжъ кажу що молодець. Якъ ухопывъ сѣкиру — та де винъ іи у биса надыбавъ? Якъ пишовъ лагодыть, неначе дванадцятеро ципомъ арнаутку молотять..... Пономарь!» сказалъ онъ, оборотившись къ Евстрату, «а де винъ? онъ–де! не мыкай горе, и тоби хрестъ, и ты таки свое узявъ! а вы» — продолжалъ маіоръ, относясь ко всему честному обществу: «а вы, скажыть мини, чи вы гости, чи вы паны, чи вы люде! Чи вы — зъ сахару та зъ меду, або мабудь и сами изъ соломы пороблены, що боитеся осмолытыся на огни, растопытыся на води? Стоять мои хлопци, просты господы, якъ намалёваны Хранцузы при узятыи Парыжа, стоять, та тильки дывляться соби! Дывытьсяжъ, якъ уже на те пишло, дывыться уси: пиды сюда мамочка моя, мое сердце де ты? не бигай сынку!» и за словомъ взялъ за руку крестницу свою Мелашу, которая хотѣла было ускользнуть, и вывелъ ее напередъ — «дывитеся люде, чомъ вона у рябинькому платьи, а була у билому? А? глядыжъ на мене, моя

комашечка, та не ховайся — вона, бачете, воду на соби у глечики носыла изъ ставка, биля воротъ, та подавала народови, щобъ залывалы! Отъ винъ» — указавъ на Ивасю — «якъ ведмедь, узявъ, та звалывъ, та положивъ; а вона, якъ касаточка, по зерну, та по капельки — а іи Богъ мылосердый послухавъ, нема пожару! Батько, мате! отъ вамъ на сегодня та на завтра царь та царыця, прынцъ и съ прынцессою; вына, швыдче вына! — а прикажыть лышень справду вына якого небудь податы — за здоровье прынца моего зъ прынцессою! Ура»

Вина подали, царь съ царицею, по настоянію маіора, къ которому пристали и тетушки и кумушки, должны были поцѣловаться; гости кричали ура и запивали виномъ. Пушка, съ замѣчаніемъ: «старый грихъ у михъ» — приказывалъ всѣмъ забыть, что онъ пожурилъ ихъ, а за тѣмъ радоваться и веселиться.

Все это хозяйкѣ дома и неутомимымъ, всемірнымъ свахамъ чрезвычайно нравилось. Дѣло, казалось, было рѣшено;

что изъ Иваси съ Мелашей должна вскорѣ вытти пара, это конечно и *кукса,* то есть безпалый, по перстамъ сочтетъ. О Настасьѣ, Степанида Ѳоминишна меньше заботилась, Настя была не такъ робка и застенчива, выше ростомъ, виднѣе и дороднѣе сестры своей и умѣла уже сама себя показать лицемъ.

Теперь только спохватились, послѣ суматохи, Авдотьи Поликарповны, которая во все время пожара кричала на дворѣ своего Мишку и немогла его докричаться, потому что маіоръ отпустилъ ему уже два полновѣсныхъ подзатыльника, заставляя его лѣзть на сарай. Авдотья Поликарповна была внѣ себя отъ ужаса — но ее напугалъ не пожаръ, а бѣгство дочери ея, Улиньки, съ отставнымъ корнетомъ въ желто–зеленомъ фракѣ. Корнетъ этотъ, вступивъ послѣ отставки отъ Марса, въ службу стариннаго Русскаго божка Леля, сдѣлался неукротимымъ поэтомъ и взялъ приступомъ недоступную для другихъ твердыню, сердце Улиньки. Говорятъ, что у корнета были при этомъ приступныхъ и подкопныхъ дѣлъ

мастера и хитрые городоимцы, что корнетъ умѣлъ воспользоваться оплошностію коменданта и искусствомъ льстивыхъ лазутчиковъ своихъ акростиховъ и мадригаловъ; конецъ концевъ, гарнизонъ сдался на капитуляцію, а Авдотья Поликарповна рѣшительно объявила бездомному и безкровному завоевателю, чтобы онъ не безпокоился, чтобы и въ голову не забиралъ себѣ такихъ пустяковъ, потому что Улиньки ему не видать какъ ушей своихъ; но побѣдитель, воспользовавшись правомъ завоевателя, нынѣшнею суматохою и помощію Ирины Титовны, увелъ милую плѣнницу свою и съ нею скрылся. Онъ же, отчаянный корнетъ нашъ, поджегъ тайкомъ потѣшные огни Евстрата, чтобы нечаянность эта надѣлала еще болѣе тревоги и чтобы отвлечь вниманіе всѣхъ отъ своихъ предпріятій. Это на военномъ языкѣ называется демонстраціею, диверсіею, и корнетъ нашъ, какъ видите, былъ большой стратегикъ. Забавнѣе всего, что Сергѣй Сергѣевичъ, оставшись въ это время преспокойно въ

залѣ, гдѣ вздыхалъ надъ бренными останками псалтири своей, какъ Марій на развалинахъ Карѳагена, увидавъ Улиньку, которая бѣжала закутавшись черезъ залу въ сѣни, схватилъ свѣчу и кинулся ее провожать; въ цѣломъ домѣ не было ни одного хлопца, всѣ выбѣжали въ садъ, и потому Сергѣй Сергѣевичъ проводилъ Улиньку до приступка, дождался, покуда она съ корнетомъ–завоевателемъ усѣлась благополучно въ карету Ирины Титовны, поклонился низехонько, карета покатила, а Сергѣй Сергѣевичъ воротился со свѣчею въ рукахъ собирать свои гусли. Ему и въ голову не приходило, чтобы онъ такимъ образомъ способствовалъ похищенію; онъ провожалъ гостей, былъ занятъ постигшимъ его бѣдствіемъ и больше ни о чемъ не думалъ. Между тѣмъ, Авдотья Поликарповна докричалась Мишки своего нѣсколько прежде, чѣмъ пожарная суматоха окончательно угомонилась, дала ему въ потьмахъ собственноручный строгій выговоръ за ротозѣйство, сѣла и уѣхала домой. Надобно было послать мужа,

который былъ нездоровъ и сидѣлъ дома, въ погоню за дочерью.

Услужливые языки хотѣли свалить причину пожара на потѣшные огни Евстрата; но къ счастію вскорѣ открылось, что Митя лазилъ съ огнемъ на голубятню; оставилъ тамъ огарокъ и отъ него солома загорѣлась и обхватила въ одну минуту всю кровлю боровика.

Было уже не совсѣмъ рано, вечеръ на исходѣ, но всѣ вечернія приключенія разогнали у гостей сонъ, а барышни объявили, что разбитые гусли, пожаръ и наконецъ похищеніе Улиньки, такъ ихъ напугали, что онѣ спать идти боятся и хотятъ еще посидѣть. Рѣшено было, что расходиться рано; но что начать? Музыки нѣтъ — и не одинъ молодецъ охорашивался уже горѲ нетерпѣніемъ разыграть дюжину другую сочныхъ фантовъ — какъ Ивася вдругъ сказалъ дѣвицамъ: кажется, барышни, вы бы охотно послѣ сегоднишнихъ тревогъ отдохнули, сѣли бы въ кружокъ, въ диванную и послушалибъ какую нибудь сказочку; не такъ ли?

Слово это было сказано вовремя и у мѣста; лучшаго нельзя было выдумать. Въ самомъ дѣлѣ, общее расположеніе было именно такое, какъ Ивася сказалъ. Всѣ барышни столпились, какъ пчелки, въ угольной, на диванѣ; царь съ царицей сѣли рядкомъ, по общему приговору; остальные пріютились вокругъ; всякій искалъ уголка и мѣстечка; старички и старухи частію ушли на покой, частію доканчивали разстроеный бостонъ, а частію подсѣли тутъ же; Савка вошелъ, пробрался въ кружекъ, подвернулъ на полу ноги калачикомъ и началъ такъ:(*)

Что въ былое время быль была правдивая, то у насъ нынѣ сказка пошла гулливая; люди сложили, такъ отколѣ нибудь да взяли; а мы вѣры неймемъ, за тѣмъ, что сами не видали.

Былоль то въ царствѣ, было ли въ государствѣ, аль запросто въ вольной землѣ, а жилъ былъ промежъ воеводъ да бояръ, богатый князь, по имени Крутояръ; а коли звали его и не Крутояромъ, такъ и

(*) Можетъ статься Савка говорилъ сказку свою и не отъ слова до слова, какъ она у насъ напечатана: упомнить всю наизусть было трудно; онъ же мѣшалъ наполовину украинскія слова. Мы написали ее стараясь отступать отъ словъ раскащика, сколько можно менѣе.

то пусть такъ, даромъ; звали не звали, да мы такъ прозвали. Богатства было у князя вольное приволье и жить бы ему потѣха и раздолье, да одолѣла князя дума потайная, что кручина сердце сушитъ, кручинушка злая: полюбилась князю дѣвица, краса–дѣвка бѣлолица, и позвалъ князь цыганку–ворожейку; ой, говоритъ, ворожейка ты ворожея, мнѣ службу сослужи, загадай ты мнѣ да скажи, какая мнѣ написана въ женитьбѣ доля? Многоль увижу добра да счастья, многоль надъ головой моей будетъ ненастья.

Какъ раскинула цыганка да развела, какъ на руку ему глянула да концы свела, такъ головой про себя покачала, да опять поворожила, да на руку шептала — нѣтъ, говоритъ, золотой мой бояринъ, видно такъ тому и быть, свою долю не переспоришь; хочешь мирись, не хочешь, повздоришь; а она возметъ свое, на томъ постоитъ. Тебѣ на роду написано жениться, а дѣтища не видать; видно такъ тому и случиться.

Вотъ и взяло раздумье князя Крутояра; на когожъ я, говоритъ, положу свое

достоинство княжье, кто вынесетъ на себѣ мою честную честь, кто мою славную славу, коли не быть отъ корня моего ни единому отростку? Думалъ онъ думалъ — вретъ, говоритъ шальная ворожея цыганка, вретъ оттого, что больно зазналась; посѣчь былобъ ее, такъ авось бы и призналась. Приведите ее сюда! хвать, похвать за цыганкой, туда сюда — нѣтъ цыганки, ушла и пропала, слѣду не покинула, вѣсти не присылала.

И долголи нѣтъ ли съ раздумьемъ князь носился, а думалъ, да думалъ, да взялъ да и женился. И что ему дѣлается? денегъ много; пьетъ да гуляетъ, да молодую княгиню тѣшитъ да потѣшаетъ. — А тѣмъ часомъ, глядь — прогнѣвилъ чѣмъ–то Царя; Царь шлетъ за нимъ, а онъ отъ него: сѣлъ, да поѣхалъ, да таковъ и былъ; ушелъ въ чужую землю, да тамъ себѣ и жилъ.

И пришло такое время, не то безвремянье, что князь себѣ думаетъ: говорилъ я, что вретъ она, сухопарая горлянка, говорилъ что вретъ, окаянная цыганка: оно такъ и вышло; у меня будетъ

скоро князекъ, будетъ дѣтище любимое ясный соколокъ. Кто бабѣ повѣритъ, трехъ дней не проживетъ, и кто съ нею свяжется, дуракомъ пойдетъ. А князь про то, что гадала цыганка, не сказывалъ ни кому: никто про то и не зналъ.

Когда же пришло время, что быть на свѣтѣ дѣтищу княжью, то стала княгиня со своими свой бабій совѣтъ держать: дѣды наши, говоритъ, такой зарокъ положили, такой завѣтъ постановили, что коли въ семьѣ молодая жена принесетъ мужу первенца сына, то ей отписать за это большія богатства; а буде первеницу принесетъ дочь, то нѣтъ ей женѣ добра родоваго ни алтына. Надо–де дѣло изладить и приспособить, что бы намъ, за чужимъ не гонявшись, да хоть своего не упустить; а вѣдь что Богъ дастъ, сына ли, дочь ли, впередъ не узнаешь.

Вотъ и стали искать, тайныхъ гонцовъ разсылать, и нашли, принесли младенца, новорожденнаго сына: отецъ его холопъ, мать холопка — да нужды нѣтъ; въ княжью положатъ зыбку, да полою княжьяго

кафтана прикроютъ — такъ чѣмъ онъ будетъ не князь? — прописи на лбу и въ тѣ поры, какъ нынѣ, не клали; кто что лишнее знаетъ, тому ротъ и глотку золотомъ заткнули — онъ и молчитъ. Кому какая до чего нужда?

И насталъ часъ радостный и смутный: далъ Богъ дѣтище княгинѣ, далъ и князю, и далъ не дочь, а сына; да молодой князь народился уродомъ: у людей по пяти пальцевъ на рукахъ и на ногахъ, а у него, гдѣ пять, тамъ пять, а на одной рукѣ шесть. И снова глянули, и снова сосчитали — нѣтъ, шесть какъ шесть, съ костей не скинешь; онъ бы и не великъ, по меньше мизинца, да тутъ ему не мѣсто; про князей шестипалыхъ о ту пору нигдѣ еще не было слышно, стало быть молодой барченокъ въ князи–де не годится.

Стали судить да рядить, да свой бабій совѣтъ, вдвоемъ–ли, втроемъ–ли держать — ну не ровно–де князю шестипалое дѣтище не будетъ въ угоду? ну не ровно еще онъ его да не признаетъ, скажетъ такихъ у меня и въ роднѣ не бывало? взяли да отдали

шестипалаго князенка холопкѣ, вотъ–де тебѣ на обмѣнъ твоего, а вотъ и червонцевъ кошель на придачу; — подай сюда своего, онъ будетъ княземъ, и въ золотѣ станетъ ходить, и серебро станетъ носить, и ѣсть станетъ слаще и спать мягче.

За тѣмъ, стали рости и тотъ и другой: и князь коренной, и князь подкидной; отецъ ни про что не зналъ, не вѣдалъ; тутъ въ землѣ его скоро другой воцарился царь, этотъ сталъ милостивъ къ опальному князю, позвалъ его ко двору, да надѣлъ на него всѣ милости свои, сколько у него ихъ было. Князю въ первое время было чай не до своихъ, позабылъ и княгиню и княженка; а когда вспомнилъ да спросилъ про нихъ, да велѣлъ пріѣхать къ себѣ, такъ самъ слегъ, да Богу душу и отдалъ.

Княгиня на чужой землѣ живучи, соскучилась; стала ее и совѣсть мучить — да дѣла уже нечѣмъ было поправить. Матери ее да бабки повивальной, что подмѣнили ребенка, давнымъ давно уже не было на свѣтѣ; сама она не знала гдѣ его искать — такъ она своего–то сгубила, а

чужой опостылъ — взяла и его, и этого, да черезъ третьи руки, чтобъ не доискались чей и отъ кого, переслала куда–то въ иное мѣсто, добра ему что захотѣла отписала, да сама и уѣхала, да и умерла видно, какъ Господь по душу послалъ, одинока. Былъ и мужъ, было и два сына, одинъ таки свой, другой что въ обмѣнъ взяла — а теперь не стало ни того, ни другаго, ни третьяго.

Вотъ, кабы живъ былъ старый князь, да послышалъ бы что и какъ было, такъ и вспомнилъ бы чай цыганку: онъ сына своего въ глаза не видалъ.

Что въ былое время быль была правдивая, то у насъ нынѣ сказка пошла гулливая; люди сложили, такъ съ чего нибудь да взяли, а мы вѣры неймемъ, за тѣмъ, что сами не видали.

—

«Чтожъ это, неужели вся?» спросили тѣ, которые еще не уснули. Да вся, отвѣчалъ Савка, гдѣ больше взять? только и есть. «Да чтожъ это за сказка,» началъ опять какой–то, «тутъ и толку не

доберешься; ты доскажи порядкомъ, что же послѣ было?» — Яжъ вамъ говорю, сударь, отвѣчалъ Савка, стоя уже у дверей, что только ее и есть — больше ничего и небыло; обождемъ, коли приложатъ люди еще что къ ней, стану говорить и дальше. Теперь только; князь служитъ холопомъ, а урожденный холопъ живетъ видно княземъ. Ни тотъ, ни другой отца, матери не знаютъ — и только.

—

Савкинъ ужинъ давно уже былъ готовъ — иначе Степанида Ѳоминишна не пустила бы его и въ сказочники; хотя она, правда, такъ была счастлива, такъ довольна, когда увидѣла, что князь съ княгиней ея сидятъ рядкомъ призадумавшись — такъ счастлива, что готова была разрѣшить и позволить все, лишь бы продлить это счастливое сочетаніе обстоятельствъ.

Когда Савка кончилъ сказку, всѣ встали потягиваясь и пошли въ залу, къ ужину. Ужинъ былъ гораздо молчаливѣе обѣда;

всѣ устали, всѣмъ хотѣлось спать, всѣ притихли.

Ивася вышелъ прямо въ садъ; это былъ одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, одна изъ тѣхъ ночей, когда не хочется запираться въ четырехъ стѣнахъ. Савкина безтолковая сказка тронула притомъ какую–то потайную струну души Иваси; онъ не зналъ почему, сталъ доискиваться и наконецъ подумалъ: это просто Русь матерая, родной духъ и складъ Савкиныхъ словъ пробуровили мнѣ по сердцу — и продолжалъ думать и мечтать объ этомъ дальше и дальше. Ивася прохаживался медленно по средней расчищенной дорожкѣ; липы и ясени дремали сводомъ надъ его головою, только неугомонный листъ осины на тонкомъ стебелькѣ своемъ изрѣдка трепеталъ и шелестѣлъ отъ едва замѣтной воздушной струйки; огни въ барскомъ домѣ, одинъ за однимъ, потухали; все успокоилось, по временамъ только слышенъ былъ глухой топотъ коней на конюшнѣ, лай цѣпныхъ собакъ, да чередной окликъ деревенскихъ пѣтуховъ.

Дворовый сторожъ проколотилъ уже другожды желѣзнымъ клепаломъ въ чугунную доску, осколокъ старой кухонной плиты — и сталъ напѣвать про себя чистымъ голосомъ: «всякое житейское отложимъ нынѣ попеченіе.» Ивася легъ, помолившись, подъ дерево, закинувъ руку подъ голову — съ полчаса бродили въ головѣ его еще Богъ вѣсть какія затѣи, желанія и надежды, съ полчаса еще онъ слышалъ, среди всеобщей тишины, какъ стучало сердце его и сталъ прислушиваться къ этому маятнику жизни и думать: долго ли ему еще суждено ходить, и такъ ли онъ будетъ стучать черезъ годъ со днемъ, какъ сего дня, избыткомъ силъ, полнотою жизни — Ивасѣ показалось еще, будто онъ слышитъ какой–то отдаленный, жалобный вопль — но Ивася нашъ уже не зналъ, во снѣ ли онъ слышитъ это или на яву, и вскорѣ уснулъ.

Проспавъ часа четыре въ одинъ духъ, крѣпкимъ непробуднымъ сномъ, Ивася проснулся и наспалъ въ эти четыре часа болѣе, чѣмъ иной тунеядецъ въ круглые

сутки. Воробушки уже чирикали галиматью свою въ густыхъ вишняхъ и встрѣчали несущагося мимо ихъ воробьятника, возвысивъ голосъ, дружнымъ и общимъ щебетаньемъ, изъ всѣхъ силъ. Кошка прокрадывалась въ тихомолку къ сосѣднему сараю, не обращая по видимому никакого вниманія на сторожевое *чивъ*, *чивъ*, стараго воробья, который провожалъ ее перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку, съ дерева на дерево. Гуси громкимъ и дружнымъ крикомъ настойчиво требовали свободнаго пропуска къ рѣкѣ; а съ сосѣдняго, мужичьяго току раздавались сильные удары цѣпа, все по три да по три. Ивася всталъ, потянулся, стиснувъ кулаки, весело взглянулъ на Божій міръ и пошелъ освѣжиться на рѣку. Раздѣвшись кинулся онъ въ воду, нырнулъ глубоко и далеко, вынырнулъ отряхивая голову и сталъ прислушиваться: плачевный голосъ звалъ его по имени на помощь; въ ушахъ и въ памяти Иваси отозвались вечерніе отдаленные вопли. Оглядѣвшись кругомъ, увидѣлъ онъ, что на обросшемъ камышемъ

и осокою островкѣ стоитъ человѣкъ; Ивася поплылъ туда что было у него силъ, и — кто опишетъ изумленіе его, когда онъ узналъ въ бѣдствующемъ Улинькинаго корнета, этотъ олицетворенный мадригалъ въ темнозеленомъ фракѣ! какъ мокрая мышъ стоялъ онъ въ бальномъ облаченіи своемъ передъ нагимъ героемъ нашимъ и не попадая зубомъ на зубъ, разсказывалъ со всею откровенностію отчаяннаго любовника ночныя похожденія свои.

Зажегши, какъ мы сказали, потѣшные огни, чтобы воспользоваться общей суматохой, онъ посадилъ обомлѣвшую Улиньку въ карету подручницы своей, Ирины Титовны, и велѣлъ гнать и въ хвостъ и въ голову. Лошади испугались ракетъ и бураковъ, понесли, сперва вверхъ по берегу, а потомъ прямо въ воду. Потерявшись со страху, корнетъ выскочилъ въ окно кареты, упалъ въ воду, недосталъ, какъ ему казалось, дна и неумѣя плавать, началъ биться и тонуть. Такимъ образомъ, то на водѣ, то подъ водою, то головою вверхъ, то ногами, онъ уже выбился изъ

силъ, когда послышалъ подъ собою песокъ; акростихъ былъ принесенъ водою на мелкое мѣсто и наконецъ вбродъ достигъ островка. Тутъ просидѣлъ онъ всю ночь и докричался до того, что сталъ уже завывать по волчьи, а никто на помощь не являлся. Что сталось съ невѣстою его, онъ не зналъ; но ему показалось, будто карета съ лошадьми ушла ко дну. Бѣдный акростихъ нашъ при разсказѣ этомъ горько плакалъ и дрожалъ какъ осиновый листъ. Ивася нѣсколько успокоилъ его, увѣривъ, что въ рѣчушкѣ этой нѣтъ омута, въ которомъ могла бы пропасть безъ вѣсти цѣлая карета съ четверкою лошадей; самъ–же переплылъ опять на берегъ, отъискалъ каюкъ или челнокъ, переправился снова на островъ, посадилъ и перевезъ несчастнаго любовника, который теперь, въ буро–зеленомъ измокшемъ фракѣ своемъ въ обтяжку, болѣе походилъ на лягушку чѣмъ на человѣка. Одѣвшись на скоро самъ, Ивася провелъ бѣднаго чижика черезъ калиточку въ садъ, оставилъ на время въ знакомой намъ красной бесѣдкѣ, досталъ у

Евстрата кой–какого бѣлья и сертучишко, одѣлъ плѣнника своего, какъ ребенка, и развѣсилъ платье его для просушки. Сколько Ивася ни жалѣлъ о неудачѣ этого бѣдняка, но ему, Ивасѣ, все напѣвалось: чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ? на канавкѣ воду пилъ — и съ трудомъ только онъ удерживался отъ смѣху.

Позвольте замѣтить здѣсь еще одно маловажное и постороннее обстоятельство: прибѣжавъ къ Горемыкину за бѣльемъ и одеждой, Ивася впервые познакомился короче съ платейною своего пріятеля — и какое–то особенное чувство, овладѣвающее нами при неожиданной встрѣчѣ нагой нищеты, его поразило. Мы часто слышимъ о бѣдности и нуждѣ, даже слишкомъ часто, жалѣемъ о неимущихъ и вскорѣ думаемъ о другомъ. Это не то: жалкая картина нищеты поражаетъ насъ иногда нечаянно на самомъ дѣлѣ, и врѣзывается совсѣмъ иначе въ память нашу. Евстратъ вынулъ между прочимъ изъ сундука своего *полторы* рубахи — это было всѣхъ и вся; и

сожалѣлъ, что лучшая, то есть цѣлая, была теперь, ради праздника, на немъ.

Оставивъ чижика, Ивася обратился съ вопросомъ къ Горемыкину: что припасено на сегоднишній день, какія потѣхи? — Евстратъ признался краснѣя и запинаясь, что небыло приготовлено ничего. День этотъ, рожденіе Меланьи, празднуется только кстати и заодно со вчерашнимъ, съ именинами Настасьи Сергѣевны; никогда не обращали на него большаго вниманія и Степанида Ѳоминишна, казалось, не считала его слишкомъ важнымъ.

Не попустимъ этого, Евстратъ Богдановичъ, сказалъ Ивася, за что такъ? поставимъ на ноги какую нибудь проказу, да чтобъ она была не хуже вчерашней; ладно, что ли?

Горемыкинъ очень сладостно улыбался и потупилъ взоры; я душою радъ, сказалъ онъ, но теперь уже время такъ коротко, успѣемъ ли мы? — О, стоитъ только захотѣть, отвѣчалъ Ивася, потирая весело руки, какъ человѣкъ, которому далась находка, стоитъ только захотѣть, такъ

успѣемъ. И обхвативъ Евстрата одной рукой, пошелъ съ нимъ внизъ по саду; первымъ слѣдствіемъ этого совѣщанія было, что человѣкъ двѣнадцать работали на самомъ отдаленномъ концѣ сада, съ лопатами и съ кирками. Степанида Ѳоминишна приказала дать Ивасѣ работниковъ съ перваго слова — это, надобно признаться, было дѣломъ необыкновеннымъ, и Степанида Ѳоминишна была конечно увѣрена, что потакаетъ Ивасѣ во всемъ не спроста и не спуста, а съ умысломъ и съ толкомъ. Рабочій день помѣщицы сросся съ душою Степаниды Ѳоминишны и она его обыкновенно неуступала никому и ни за что. Самъ Ивася, оставивъ Горемыкину наставленія, поговорилъ шопотомъ съ названою матерью своею и полетѣлъ подъ благовиднымъ предлогомъ домой, гдѣ растормошилъ всю платейную ея и засадилъ всѣхъ дворовыхъ дѣвокъ за работу. Къ обѣду, Ивася уже поспѣлъ опять къ именинницѣ, какъ называли сего дня Мелашу, хотя это и былъ день ея рожденія.

Между тѣмъ Ирина Титовна, у которой сердце и совѣсть были както не на мѣстѣ, потому что о сю пору не было еще ни слуху, ни духу о каретѣ ея, Ирина Титовна отправилась, какъ ни въ чемъ не бывала, соболѣзновать Авдотьѣ Поликарповнѣ въ нынѣшнемъ бѣдствіи ея. Здѣсь она — къ величайшему изумленію своему, слышитъ, что Улинька давно уже дома, что и карета тутъ же, и — главное и самое не пріятное, что не только Улинька, но и лакей съ кучеромъ во всемъ признались и Ирину Титовну выдали и продали. Дѣлать было нечего; Ирина Титовна на этотъ разъ рѣшилась не падать въ обморокъ, неравно-де здѣсь некому будетъ и поднять — а уставивъ руки въ боки, глаза въ потолоки, сама перекричала всѣхъ, такъ, что всполошила на заднемъ дворѣ цѣлый гусиный гуртъ, который звонкимъ гагаканьемъ сталъ перекликаться съ голосистою гостьею. За тѣмъ она сѣла въ карету свою и уѣхала.

Въ это же время Чижикъ нашъ, кой-какъ обсушившись въ бесѣдкѣ, одѣлся на

тощакъ опять въ свое платье и отправился тайкомъ домой. Но мужики, которые знали его подъ именемъ *зеленаго панка*, встрѣтили его, взяли и повели подъ карауломъ на панскій дворъ, потому что Авдотья Поликарповна сама вечоръ заѣзжала въ корчму и обѣщала жиду и мужикамъ награжденіе, если кто поймаетъ и приведетъ *зеленаго панка.* Когда барышни наши пошли утромъ погулять — къ чему настроилъ ихъ Ивася, чтобы отвлечь вниманіе ихъ отъ приготовленій въ саду, — то онѣ встрѣтили несчастнаго Чижика подъ конвоемъ. Всѣ, глядя на жалкое положеніе бѣдняка, на разстроенное муками души и тѣла лице его, ужаснулись; Настя, какъ хозяйка и особа довольно бойкая, вмѣшалась наконецъ въ дѣло и освободила настояніями своими плѣнника. Со слезами на глазахъ отправился онъ пѣшкомъ во свояси.

Маіоръ, который засиживаться на одномъ мѣстѣ не любилъ, поѣхалъ между тѣмъ съ ружьемъ прокатиться на допотопномъ *струментѣ* своемъ, и

встрѣтилъ — отгадайте, кого, съ кѣмъ, гдѣ и что дѣлающихъ — какъ спрашиваютъ у насъ въ извѣстной игрѣ на записочкахъ. Отвѣчаю: Ирину Титовну, въ каретѣ, все опять съ тѣмъ же Чижикомъ, на распутьи, безъ лакея и безъ кучера, одинъ конь въ дышлѣ, другой подъ выносомъ! Шествіе это много походило на погребальный поѣздъ, гдѣ мыши кота хоронятъ. Когда маіоръ разсказывалъ бывало объ этой встрѣчѣ, разсказывалъ какъ заполевалъ въ этотъ день, вмѣсто драхвы, Ирину Титовну, то хохоталъ заливаясь и утирая очи въ два кулака и кричалъ бывало только: «гой братцы мои роднесеньки! годи вже, видпустыть душу мою на покаяніе, вже не буду бильше, ій же Богу що не буду» — и самъ снова принимался хохотать, будто его Русалки на смерть щекочатъ. Дѣло въ томъ, что отправившись отъ Авдотьи Поликарповны, Ирина Титовна приказала ѣхать прямо домой и во всю дорогу сулила кучеру, фалетору и запяточнику своему, звонкимъ и яснымъ голосомъ, такія лестныя награды за вечорнюю неудачу и

неумѣстное признаніе, что у тѣхъ голова вскружилась съ похвалъ и на душѣ помутилось. Они всѣ знали, что Ирина Титовна въ такихъ случаяхъ шутить не любила; по этому хлопецъ, наслушавшись всего вдоволь, соскочилъ съ запятокъ и пошелъ своимъ путемъ, сказавъ кучеру: «нехай–вже твоя шкура видвичатеме, колы схоче, а я не дурный.» Кучеръ, не долго думавъ, сказалъ товарищу своему, выносному: «Остапе Грыцько утикъ утечемо–й мы!» Затѣмъ они остановились, и, не отвѣчая ни одного слова на отчаянный, злояростный крикъ и брань пани своей, отложили каждый по одной лошади, кучеръ коренную, фалеторъ подсѣдельную, и поскакали!

Въ такомъ отчаянномъ положеніи, одна одинёхонька, въ чистомъ полѣ, въ степи, съ одною коренною и одною выносною клячею, сидѣла наша Ирина Титовна, проклиная голосисто весь Божій міръ, и всѣ къ нему принадлежности; и наконецъ, залившись слезами и заломивъ руки, стала просить у Создателя помощи. Смиреніе ея

видно было небу угодно, молитва услышана: на небосклонѣ безвѣстности подымается облако надежды, облако пыли — и если это не чортова свадьба, подумала страдалица наша, если не вихрь степной, то конечно двѣ ноги, покрайней мѣрѣ, вздымаютъ эту пыль. Ирина Титовна не успѣла еще дорисовать окончательно огненнымъ воображеніемъ своимъ не ясное видѣніе, не успѣла сложить двѣ ноги, двѣ руки, дать имъ пріятное туловище, какую-нибудь голову и сострадательное сердце, какъ узнала въ приближающемся путникѣ, къ неописуемой радости своей, бѣдствующаго собрата своего, свѣтлозеленаго — что нынѣ бурозеленоватый — чижика. Отощавшій акростихъ однакоже не съумѣлъ даже перепречь лошадей; онъ извинялся тѣмъ, что въ Краснокутскомъ гусарскомъ полку, въ которомъ дослужился онъ до отставнаго корнета, ѣздятъ не на упряжныхъ лошадяхъ, а на верховыхъ, и что всякая упряжка принадлежитъ къ фурштату. Поэтому корнетъ нашъ сѣлъ на выносную

верхомъ, постромки волочились по землѣ и рыдванъ кое–какъ шажкомъ потащился. Въ этомъ жалкомъ положеніи маіоръ встрѣтилъ колесницу Ирины Титовны, словно послѣ отчаяннаго побоища. Позабавившись и нахохотавшись вволю, маіоръ велѣлъ было кучеру своему перепречь обоихъ лошадей въ корень; оказалось однакоже что выносная въ корню не ходитъ, она стала бить. По этому поѣздъ двинулся опять по прежнему, шагъ за шагомъ, и Чижикъ снова сѣлъ верхомъ, въ бальномъ фракѣ своемъ и понукалъ ретиваго коня подъ собою толкая его пятками подъ бока. И смѣхъ и горе.

Между тѣмъ въ Шпиговкѣ насталъ часъ обѣда. Степанида Ѳоминишна просила къ столу и общество поднялось и усѣлось съ меньшею принужденностію чѣмъ на канунѣ; похожденія и приключенія послѣднихъ двухъ сутокъ сблизили, познакомили и породнили всѣхъ другъ съ другомъ. Настя много и красно говорила; Мелаша была очень задумчива, и часто краснѣла. Безконечный рядъ Савкиныхъ блюдъ,

которыя шли сегодня опять подъ новыми прозваніями, кончился, а самъ онъ, ударивъ ладонью подъ дно бутылки, замотанной въ салфетку, опять уже разливалъ эту вѣчную шипучку и просилъ мимоходомъ Дмитрія Сергѣевича прислушаться, увѣряя, что вино въ высокой рюмкѣ сверчкомъ чирикаетъ. Митя захохоталъ во все горло и объявилъ во всеуслышанье, на весь столъ, что Савка говоритъ, будто цымлянское поетъ сверчкомъ. Маіоръ всталъ, поднялъ стаканъ, напророчилъ крестной дочери своей, Мелашѣ, много добра и счастья и въ разгулѣ веселья закричалъ: — «ура! та чи немае тутечки десь тёзки моій? а ну, палы!» и за словомъ въ саду отозвалась пушка, другая, третія и одиннадцать съ ряду. Первая сполошила и встревожила было барынь, но при послѣдней всѣ уже хохотали и поздравляли новорожденную; а какъ Ирины Титовны не было, то и въ обморокъ падать было некому. Объяснимъ загадку: Ивася закопалъ въ саду одиннадцать картузовъ пороху, провелъ къ

нимъ штопинъ и по данному знаку одиннадцать минъ были подорваны. Мелаша очень смѣшалась, была тронута и черезъ силу могла отблагодарить молча гостей и отвѣдать Савкинаго сверчка.

Тетушки и кумушки, всѣ на голо свахи, блаженствовали: онѣ были увѣрены, что работаютъ чрезвычайно успѣшно; и надо отдать имъ справедливость, онѣ успѣли по крайней мѣрѣ возмутить младенческій покой мирной души Мелашиной; она вздыхала и плакала, сама не зная о чемъ и по комъ и не знала куда дѣваться отъ наставленій и наученій, которыми преслѣдовали ее на каждомъ шагу, требуя, чтобы она обходилась съ Ивасею ласковѣе. Со всѣхъ сторонъ ей кричали шопотомъ въ уши, что Ивася суженый ея, женихъ, со всѣхъ сторонъ учили ее, какъ съ нимъ обходиться и что говорить и какъ на него глядѣть — поздравляли, цѣловали, и наконецъ бѣдную дѣвушку сбили вовсе съ толку, она не знала кого слушаться и чему вѣрить. Это называется по русски: влюбить такую–то въ такого–то. Опытныя въ такихъ

дѣлахъ бѣлошвейки мои, ковроткачки, искусныя дѣлательницы наливокъ всѣхъ сортовъ и разборовъ, солельщицы огурцовъ съ кануперомъ, перцемъ, лавровымъ и дубовымъ листомъ — были увѣрены, что не менѣе того влюбили и Ивасю въ Мелашу.

Мало по малу всѣ барышни стали, если смѣю такъ выразиться, волочиться за Ивасею; всѣ искали общества его и не умѣя съ другими мущинами провести двадцати минутъ въ сносной бесѣдѣ, охотно сиживали съ нимъ по цѣлымъ часамъ и всегда шелъ у нихъ живой и занимательный для участвующихъ разговоръ. Такъ было и теперь; когда старички пошли послѣ обѣда отдохнуть, молодежъ наша засѣла въ диванной: Ивася былъ душою общества, бесѣда шла бѣглая, занимательная; заговорили о суевѣріяхъ, повѣрьяхъ, примѣтахъ, знаменіяхъ; завязался споръ между простенькими, къ коимъ принадлежала въ хорошемъ смыслѣ и Мелаша, и между разумницами, коими предводительствовала Настя. Первыя начали было разсказывать вполголоса

какіе–то чудеса, между тѣмъ какъ противницы ихъ, вмѣшавшись въ дѣло, объявили все это вздоромъ и бреднями безсмысленными, о которыхъ стыдно говорить. Всѣ онѣ конечно повторяли затверженный гдѣ нибудь урокъ. Но нашлись и такія, которыя не хотѣли сами рѣшить ничего, а обратились къ Ивасѣ съ простодушной просьбой, сказать, что и какъ онъ объ этомъ думаетъ.

Трудно, отвѣчалъ Ивася, высказать въ нескольких словахъ все то, что объ этомъ предметѣ можно наговорить, все что мнѣ бы сказать хотѣлось; вообще однакожъ — продолжалъ онъ съ намекомъ, который былъ понятъ — все на свѣтѣ гораздо легче осмѣять, чѣмъ основательно изслѣдовать и опровергнуть — даже легче, чѣмъ слѣпо повѣрить. Также и то, о чемъ вы говорите, легче и проще поднять на смѣхъ, чѣмъ пуститься въ подробное, добросовѣстное разбирательство, сколько въ какомъ повѣрьи и суевѣрьи есть или было нѣкогда смыслу, на чемъ оно основано и какую ему нынѣ должно придать цѣну. Едвали

однакоже можно допустить, чтобы повѣрье, распространенное между милліонами людей и встрѣчающееся даже очень не рѣдко у различныхъ народовъ, пережившее тысячелѣтія, иногда сотни поколѣній — было основано ни на чемъ, на одномъ только праздномъ вымыслѣ. Можетъ быть есть нѣсколько и такихъ, но ихъ найдется не много, да и то, вѣроятно, основаніе, начало ихъ забыто, затеряно, повѣрье въ теченіе вѣковъ искажено и нынѣ кажется намъ уже чистою безсмыслицей. Я думаю такъ: Иныя повѣрья и суевѣрья представляютъ у насъ памятникъ, остатокъ язычества; другія придуманы для того, чтобы заставить малаго, упрямаго и глупаго, окольнымъ путемъ, дѣлать то, чего отъ нихъ прямымъ путемъ добиться былобы несравненно труднѣе. Тутъ первое условіе: застращать, напугать — тогда будетъ слушаться; этимъ способомъ болѣе хитрые, смышленые, порабощаютъ и подчиняютъ себѣ умы. Повѣрья этого роду всякій мальчишка затверживаетъ вмѣстѣ съ тятей и мамой. Другія повѣрья, въ сущности

своей, дѣйствительно основаны на опытѣ, на замѣчаніяхъ, но, будучи примѣнены безъ разбору ко всякому частному случаю, обращены такъ сказать въ законъ, въ общее правило, обращаются уже черезъ это въ нелѣпость. Въ иныхъ повѣрьяхъ видѣнъ только духъ времени, игра воображенія, иносказательные намеки, словомъ, одна народная поэзія, которая не рѣдко нынѣ принимается за наличную монету и дѣлается такимъ образомъ тою же безсмыслицей. Есть чисто шуточныя повѣрья, которымъ мы, повторяя и затверживая ихъ, невольно начинаемъ наконецъ вѣрить. Есть можетъ быть и уродливыя, вздорныя повѣрья, которыя произвелъ на свѣтъ одинъ только пытливый умъ простолюдина, доискивающійся причины важнаго въ быту его и непонятнаго ему явленія. Эти же повѣрья служатъ также часто извиненіемъ, оправданіемъ и утѣшеніемъ, въ случаяхъ, гдѣ прибѣгнуть болѣе не къ чему. Но, соглашаясь на все это, я опять таки повторю, что сказалъ въ началѣ: Есть и такія повѣрья, которыя

гораздо легче могутъ быть осмѣяны, чѣмъ опровергнуты и въ особенности чѣмъ обслѣдованы до дна и оцѣнены не по одной наружности своей. Шиллеръ сказалъ: и въ дѣтской игрѣ кроется не рѣдко глубокій смыслъ; — а Шекспиръ: и на небѣ и на землѣ есть много такого, чего мудрецы наши не видывали и во снѣ. Вотъ вамъ, барышни исповѣдь моя — заключилъ Ивася, и думалъ что кончилъ; но одна изъ быстроглазенькихъ спросила его: а что же вы думаете собственно о предчувствіяхъ и привидѣніяхъ? Ивася видѣлъ, что ему тутъ не время и не мѣсто пускаться пространно въ подобныя разбирательства; онъ отвѣчалъ коротко и шутя: объ этомъ можно наговорить цѣлый возъ, да и то еще на добрый вьюкъ останется; сущность этого безконечнаго разсужденія была бы, кажется: кто испыталъ на себѣ предчувствіе, кому покойники являются — ну, тотъ вѣрь, потому что противъ убѣжденія спорить мудрено; а по наслышкамъ и однимъ расказамъ, кажется, вѣрнѣе не вѣрить. Но ободренная

потворствомъ этимъ пригоженькая и бойкая чернушка, растолковала или поняла слова эти по своему и принялась тотчасъ же, не теряя времени, подводить примѣры: вотъ позвольте — начала она — одна старушка, мать кормилицы двоюродной сестры бывшей сосѣдки нашей, Анисимовой, — старушка эта, живучи у Бабарыки Штандартовны, вмѣстѣ съ Камиллой Киргизовной, въ банѣ, стала слышать каждый вечеръ, ровно въ десять часовъ....

Ивася, взглянувъ на часы свои, всталъ потихоньку и вышелъ, оставивъ съ намѣреніемъ молодежъ бесѣдовать въ сумеркахъ о привидѣніяхъ и посѣтителяхъ съ того свѣту — а самъ пошелъ взглянуть на свои затѣи.

Уже вовсе смерклось, когда барышни наши все еще сидѣли, съ самаго обѣда, столпившись въ кружокъ, и до того напугали сами себя и другъ дружку расказами о привидѣніяхъ у Бабарыки Штандартовны и Камиллы Киргизовны въ банѣ, о явленіи живыхъ и мертвыхъ, что сидѣли въ потьмахъ не смѣя дохнуть и не

понимая притомъ, для чего о сю пору не подаютъ свѣчей, между тѣмъ какъ это было распоряженіе хозяйки въ угоду и по просьбѣ Иваси. Сергѣй Сергѣевичъ ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, свертывая платокъ свой въ комочекъ и утираясь имъ то справа на лѣво, то слѣва на право; онъ небылъ посвященъ въ тайну нынѣшняго вечера, о которой впрочемъ и сама Степанида Ѳоминишна ничего положительнаго не знала, кромѣ желанія Иваси, чтобы до *сюрприза* не подавать свѣчей; но Сергѣй Сергѣевичъ, замѣтивъ что уже смерклось, осмѣлился было спросить, едва слышнымъ голосомъ, что долго не подаютъ свѣчей? и получивъ за это отъ супруги своей выговоръ, съ замѣчаніемъ, не мѣшаться не въ свои дѣла — затихъ и замолчалъ. Маменьки и тетушки разсѣлись по растворенным въ садъ дверямъ и окнамъ, на широкомъ крыльцѣ и въ дверяхъ, расказывали всѣ въ полголоса, какъ заведеные часы, и ни одна не слушала; по комнатамъ носился только

глухой гулъ, какъ отъ роя шмелей залетѣвшихъ въ покои.

Вдругъ раздается гдѣ–то въ отдаленіи звукъ — звонъ — голосъ — позывъ изъ какого–то чуждаго міру — чистый, ясный, неслыханный доселѣ — и замираетъ снова среди ночной тиши. И вмѣстѣ съ этимъ таинственнымъ отголоскомъ, у всѣхъ замерла душа. Ни одна складочка въ платьецахъ барышень не шевелилась: всѣ дѣвицы насторожили ушки. Отдаленный свѣтъ разлился въ саду; голосъ поднялся снова изъ едва слышимаго вздоха, до сильнаго, полнаго, могучаго звука и казалось начиналъ призывно аукать: тогда никто не усидѣлъ на мѣстѣ; маменьки и тетушки стояли уже на крыльцѣ и вызывали молодежъ, а молодежъ уже толпилась за ними вслѣдъ; старый и малый пустились по дорожкѣ въ садъ: иныя дѣвицы толпились въ кучку, держались другъ за дружку, поговаривая: ахъ Боже мой, что это было? другія напротивъ, шли медленно, задумчиво, безмолвно и поднявъ голову въ темнотѣ. Не высокія перильца поперегъ

дорожки остановили общество; передъ нимъ лежала единственная въ своемъ родѣ картина.

Это было въ темный, теплый и тихій осенній вечеръ; все пространство впереди зрителей было ярко освѣщено, а между тѣмъ глазъ не встрѣчалъ ни одного пламени, ни одного огонёчка. Таинственный свѣтъ, который всѣхъ привелъ въ недоумѣніе, озарялъ, казалось, всѣ предметы снизу; зелень деревьевъ была ярка и свѣжа, какъ не бываетъ она и днемъ; зеленый свѣтъ и зеленая тѣнь словно выливались изъ земли, изъ самихъ предметовъ — не было ни огня, ни солнца — перемѣшивались въ причудливыхъ переливахъ и разстилались прозрачнымъ туманомъ, на которомъ лежалъ, сверху, не проницаемый мракъ, рѣдѣющій только тамъ, гдѣ уже сверкали звѣздочки. Глазъ невольно воображалъ, что видитъ не природу, а картину, и обману этому, кромѣ непонятнаго свѣту, способствовали еще прихотливо и живописно расположенные предметы: на небольшомъ лужкѣ или

прилѣскѣ, между деревьями, паслось и отдыхало нѣсколько коровъ, козъ и овецъ; Тирольскій пастухъ стригъ овцу. Все это, особенно по странному освѣщенію, очень походило на театральную сцену и декораціи, но во всемъ была необыкновенная жизнь, потому что все было живое. Глазъ зрителей былъ пораженъ и изумленъ, ухо ловило еще едва отлетѣвшіе неземные звуки, когда отдаленный, чуть слышный отголосокъ сталъ ихъ повторять: ближе и ближе, громче и громче — и вотъ, на холмѣ, явился другой пастухъ, въ тирольскомъ платьѣ, во всемъ уборѣ, съ саженнымъ рожкомъ своимъ, коего широкій раструбъ загнутъ кверху — выступивъ смѣло и бодро, Тиролецъ ударилъ въ рожокъ, и полные, могущественные звуки Тирольскаго пастушьяго хоровода огласили окрестность. Когда одинокій, протяжный и заунывный голосъ начиналъ умирать, какъ послѣдній вздохъ безнадежныхъ желаній, тогда вдругъ слѣдовалъ отрывистый и неожиданный переходъ почти въ плясовую;

тутъ смѣнялись только два или три звука, которые однакоже яркою противоположностію своею и необыкновенною простотою взаимныхъ сочетаній невольно вызывали на уста улыбку. Но утѣшеніе это кратковременно: безотчетная тоска уже снова накликается на взволнованную душу — и опять уже смѣняется вздохомъ, если не слезой, а тамъ опять сладостной улыбкой....

Кончилось тѣмъ, что успѣхъ этой шутки превзошелъ не только ожиданія Иваси, но даже всякое его желаніе. Все общество, въ особенности же барышни наши, были поражены, раздражены, неожиданнымъ явленіемъ этимъ, упоены волшебными звуками, и если еще вспомнить предварительно напряженное впродолженіе вечерней бесѣды, воображеніе, то покажется не удивительнымъ, что всѣми овладѣла какая–то грусть и тоска; всѣ молчали, возвратившись въ покои, гдѣ все еще царствовали нѣсколько времени потемки; иныя отирали даже въ тихомолку безотвѣтныя и безотчетныя слезинки,

прятались по угламъ повѣсивъ головки — словомъ, по всему видно было, что за исключеніемъ не многихъ, которые краснорѣчиво и громогласно изъявляли удовольствіе свое, всѣ тронуты были за живое: и сладко и больно.

Устройство всѣхъ чудесъ этихъ было очень просто: свѣтъ падалъ съ низу вверхъ, отъ искусно и съ умѣньемъ разставленныхъ въ ямкахъ и поперечныхъ канавкахъ плошекъ, коихъ со стороны вовсе не было видно; самъ же Ивася вставилъ кларнетъ свой, которымъ владѣлъ мастерски, въ поддѣльный, изъ клееной бумаги Тирольскій рожокъ. Этотъ родъ освѣщенія въ саду или въ рощѣ, производитъ дивное впечатлѣніе, которое не льзя сравнить ни съ чемъ.

Старики и старухи стали уже спрашивать, куда–де дѣвался Ивася? отчего его долго нѣтъ? Маіоръ кричалъ, что онъ его, каналью, разцѣлуетъ; Степанида Ѳоминишна разсыпалась въ похвалахъ; даже самъ Сергѣй Сергѣевичъ, сгребая табакъ въ табакеркѣ своей горкой на

средину, чтобы потомъ понюхать съ чувствомъ, увѣрялъ незабіячнымъ голосомъ своимъ, что это было прекрасно, и даже очень, очень хорошо; Евстратъ сидѣлъ одиноко въ далекомъ и темномъ углу залы; Настя съ жаромъ расписывала во всей подробности то, что другіе видѣли и слышали вѣроятно не хуже ее; Мелаша осталась въ саду, на крыльцѣ, какъ отбившаяся отъ стада овечка — ей както хотѣлось быть одной; барышни, будто ждали Ивасю и боялись его: при каждомъ скрыпѣ дверей онѣ оглядывались, вздрагивали — но Ивася не являлся и сверхъ того еще недосчитывались нѣсколькихъ наличныхъ кавалеровъ.

Степанида Ѳоминишна, желая занять и разсѣять молодежъ, предлагала уже и лото и фанты и жмурки — но все это както не клеилось; девяти еще не пробило, а барышни уже поговаривали что устали и что скоро пора спать.

Въ такомъ нескладномъ положеніи были дѣла, когда Савка вошелъ и доложилъ, съ какимъ–то затѣйливымъ, самодовольнымъ

видомъ, что какой–то иностранецъ, проѣзжая съ разными заморскими звѣрями, которыхъ возитъ на показъ, остановился на пути въ ближній городъ на селѣ для ночлега и узнавъ, что у господъ пируютъ, прислалъ арапа, спросить, не угодно ли посмотрѣть звѣрей его? они–де ручные, ихъ можно привести въ покои. Предложеніе было сдѣлано очень кстати; сама даже Степанида Ѳоминишна была сего дня въ духѣ посорить деньгами, блеснуть, показать что ничего не жалѣютъ. Савку прогнали съ приказаніемъ звать скорѣе Италіанца.

И вотъ онъ входитъ, избоченясь, похлопывая арапникомъ, раскланиваясь на всѣ четыре стороны — и занесъ такую дичь, что и самъ Маіоръ разинулъ было ротъ и раставилъ пальцы. Рекомендуясь почтенной публикѣ на семи языкахъ, или лучше сказать семь разъ съ ряду на языкѣ, составленномъ изъ разнородной смѣси семи языковъ и нарѣчій, Италіанецъ самъ себя ласкалъ вниманіемъ благороднаго общества, возлагая всю надежду свою на хорошую репутацію почтеннѣйшей публики, увѣряя

притомъ, что уже имѣлъ *шесть* показываться предъ лицемъ всѣхъ на свѣтѣ монарховъ, столицъ, дворцовъ и высокихъ особъ. Затѣмъ вошли, гуськомъ, цѣлое сонмище страннообразныхъ уродовъ, которые представляли, въ самомъ забавномъ видѣ, разныхъ птицъ и звѣрей, и даже лягушку и нетопырь или полетушу. Какъ только общество опомнилось отъ перваго изумленія, то общій веселый хохотъ привѣтствовалъ оборотней и огласилъ всю комнату. Разумѣется, что это сдѣлалось въ ту минуту, когда узнали въ знаменитомъ Италіанцѣ Ивасю. Въ строусѣ, казуарѣ, полетушѣ и другихъ уродахъ, сидѣли разные помѣщичьи дѣтки; Митя былъ одѣтъ арапомъ, а Саша, Гриша и Филя обезьянами.

Ивася мололъ безъ умолку, какъ заведенные часы; выразительно изломаннымъ языкомъ и однообразнымъ напѣвомъ, не понижая и не повышая голоса, просилъ онъ почтенную публику обратить вниманіе на строуса съ рѣки Ориноко, на Мадагаскарѣ; на Арапа изъ

Константинополя или Царьграда, на рѣкѣ Босфорѣ; на казуара изъ Малакки, которая на *большой Американскій материкъ*; на обезьяну, которая глупа, потому что еще молода, а какъ состарѣется, будетъ *такой разумный какъ мы*; отечество жъ ее *изъ околицы Патафіи, изъ экваторъ*, въ самой Африкѣ; увѣрялъ, что одинъ изъ уродовъ этихъ ничего не кушаетъ, кромѣ того, что у него есть — и больше ничего; что другой ходитъ на своихъ обихъ двухъ ногахъ и держитъ свой корпусъ прямо и смотритъ на обѣ стороны; а третій бѣгаетъ до того прытко, что стоя на одномъ мѣстѣ обгоняетъ добрую лошадь; предувѣдомлялъ, что строусъ его летать не умѣетъ, и прибавлялъ съ важностію: онъ теперь *будетъ показать* какъ онъ не умѣетъ летать — Allez! покажи какъ ты не умѣешь летать — вотъ, онъ теперь показываетъ, какъ онъ не умѣетъ летать!

Надобно воздать каждому должное: Гриша, Саша и Филя корчили обезьянъ безподобно, покрайней мѣрѣ дрались и дразнились мастерски. Видно было по

всему, что они изучали роль свою съ любовью и призваніемъ. Митя также отличался; Савка вымазалъ ему рожу сажей и Ивася выводилъ Арапа своего на показъ, похлопывая бичемъ, на равнѣ съ *лягушникомъ*, какъ называлъ онъ лягушку и съ обезьяной изъ околицы Патафіи.

Никто не могъ и не хотѣлъ воздержаться отъ радушнаго, обильнаго смѣху. Хохотъ оглашалъ весь барскій домъ и самъ даже Сергѣй Сергѣевичъ заливался втихомолку смѣхомъ, трясся всѣмъ тѣломъ и утирался въ обѣ щеки клубочкомъ изъ своего клѣтчатаго платка. Всѣ опять наладились и настроились, единодушное веселіе завладѣло обществомъ, а барышни словно переродились. Душою общества и веселья былъ конечно Ивася; онъ такъ сказать во весь день уже руководилъ и управлялъ тайными чувствами и помышленіями дѣвицъ; и не понимала его, не отзывалась ему развѣ та только или тѣ, которыхъ природа мачиха обошла, обнесла и обидѣла вовсе. Для довершенія праздника, Ивася выкопалъ изъ мастерской

своей, недавно излаженый имъ старинный ручной органъ, съ новымъ, своей работы, валикомъ, на которомъ набилъ мѣдными скобочками самые модные экосезы, кадрили и контръ–дансы тогдашняго времени; танцы знаменитаго Данилы Купера и другихъ. Была тутъ и манимаска и матрадуръ — и Митя вертѣлъ до поздней ночи пальмовую ручку органа и не мало гордился тѣмъ, что также умѣетъ играть на музыкѣ; Митя никому не давалъ приступиться, если надобно было передвинуть валикъ, для перемѣны танца, а кричалъ задорно: «я самъ умѣю» или: «вы испортите!» и снова принимался вертѣть. Надобно полагать, что Митя хорошо исправлялъ должность свою; покрайней мѣрѣ всѣ были довольны, и очень счастливы; одна только Настя была какъ будто немножко не въ духѣ; почти можно было подозрѣвать, будто ей не совсѣмъ нравилось, что нынѣшній праздникъ удался едва ли не лучше вчерашняго. Какъ бы то нибыло, а въ цѣломъ уѣздѣ стали поговаривать о великолѣпномъ праздникѣ

въ Шпиговкѣ; маменьки и тетушки стали освѣдомляться, бесѣдуя за кофейнымъ столикомъ и за вареньемъ, объ этомъ загадочномъ Ивасѣ, одергивали на дочкахъ и племянницахъ косынки и пелеринки и совѣтовали барышнямъ держаться прямѣе.

Шумный и веселый вечеръ кончился часу въ пятомъ утра и рожденіе Мелаши было отпраздновано, вопреки обыкновенія, великолѣпно. Смазанные и немазанные рыдваны, колымаги и линейки, блаженныя памяти, всѣхъ величинъ и покроевъ, со стукомъ, брякомъ и скрыпомъ покатили на слѣдующее утро съ панскаго двора Шпиговки во всѣ четыре стороны: и Маіоръ сѣлъ верхомъ на знаменитый струментъ свой и съ громкимъ хохотомъ и шумными перекорами закричалъ: «гайда до дому чубарый!» и три колеса покатились таки такъ и сякъ, а четвертое попрыгивало да постукивало по одному разу на каждомъ оборотѣ: этому была виновата претолстая и пренеуклюжая рвань или обойма, которая, какъ Степанъ Власовичъ увѣрялъ,

переслужитъ еще семь новыхъ ободьевъ. Барскій домъ опустѣлъ.

Куда же намъ теперь дѣваться, къ кому присѣсть въ рыдванъ или струментъ, чтобы дать Степанидѣ Ѳоминишнѣ время отдохнуть, пересчитать ложки и плошки, посуду и салфетки, рюмки и стаканы, ножи и вилки — уложить и уставить опять все это въ чуланъ, въ кладовую, и въ огромный стекольчатый шкафъ съ откосомъ? Сергѣй Сергѣевичъ поблагодарилъ бы насъ правда въ душѣ своей — но не вслухъ, этого онъ не смѣетъ — если бы мы еще остались и заняли его до вечера, покуда вся тревога и суматоха эта кончится, а Степанида Ѳоминишна порѣшитъ, хотя отчасти, всѣ розыски и слѣдствія о битыхъ тарелкахъ и графинныхъ пробкахъ — но какъ все это для насъ уже вовсе незанимательно, а Сергѣю Сергѣевичу надобно же привыкать по немногу къ домашнему своему житью-бытью — то и оставимъ его и подсядемъ покуда въ ранжевую карету, гдѣ рядкомъ усѣлась чета Бублинскихъ, между тѣмъ какъ Ивася пропалъ изъ Шпиговки безъ

вѣсти уже съ разсвѣтомъ, когда другіе только что укладывались и засыпали. Онъ отправился домой пѣшкомъ, шепнувъ названой матери своей на ухо, чтобъ она его не искала.

Ну, сказалъ Бублинскій женѣ своей, по–польски, такого праздника мы давно не видали: славно, право хорошо, *пшесличне*.

— Всѣ грѣхи нашъ проказникъ прикрылъ, отвѣчала пана Бублинская, не придумай онъ своихъ проказъ, было бы скучно и постыло. *Нима цо мувиць*, было весело, да не отъ хозяевъ. Нѣмая травянка эта, Бабачокъ, да глупая, хвастливая пава и злая змѣя Бабачиха — чему тутъ быть путному и какой тутъ толкъ? Не будь у нихъ еще Савки, этого на все и про все, такъ бы вся нищета выказалась наружу. *Але послухай коханку*, продолжала она, ну что, если Ивася и вправду влюбится въ Мелашу — вѣдь они его втянутъ, малый оглянуться не успѣетъ — что–то всѣ объ этомъ толкуютъ, видно тутъ что нибудь да есть.

— Не годилось бы, сказалъ подумавъ Бублинскій, надо какъ нибудь его отговорить. Не годилось бы по многимъ причинамъ; а главное — я тебѣ, коханко, откроюсь: Ивася выросъ, возмужалъ — онъ конечно еще послушный ребенокъ, но вѣкъ нельзя же его держать такимъ образомъ, надобно подумать о развязкѣ. Для матери онъ затерялся совсѣмъ, она его не найдетъ, если бы и вздумала когда нибудь искать — здѣсь есть одинъ только человѣкъ для насъ опасный — это старый рубака, Пушка, прескучный и пренесносный грубіанъ. Онъ не все знаетъ, но знаетъ, кажется, что при Ивасѣ было кой что, и какъ тебѣ и самой чай приводилось слушать, охотно объ этомъ намекаетъ и всегда кричитъ по мужицки, во все горло. Я думаю такъ: отпиши ты въ Каменецъ сестрѣ своей, вели поискать какую нибудь бѣдную, пригожую шляхтянку — возмемъ ее къ себѣ въ домъ — Ивася молодъ, мягокъ, мы примемъ свои мѣры — я думаю онъ не устоитъ, подастся — мы скажемъ ему, что не противимся счастію его, уговоримъ его

обезпечить будущность жены своей, отписать ей то, другое — тогда все это будетъ домашнимъ дѣломъ, никому не будемъ обязаны отчетомъ и можемъ также ожидать и требовать благодарность бѣдной панянки, которой счастье составили....

— Знаешь что, подхватила пана Бублинская, словно ей какая находка далась, я при случаѣ разскажу ему какую нибудь басенку о похожденіяхъ Мелаши, со всѣми подробностями и околичностями — понимаешь? — какъ будто ничего о склонности его незнаю, а такъ, къ слову подведу, скажу, что объ этомъ похожденіи знаютъ всѣ люди, да только такъ молчатъ, чтобы не пятнать дѣвки; она опротивѣетъ ему и онъ откинется, вотъ увидишь.

— Ну, отвѣчалъ панъ Бублинскій, наморщивъ немного высокій лобъ свой, не торопись, моя коханка, оставь это про запасъ. Посмотримъ еще что будетъ, можетъ статься все это одинъ вздоръ. Такое средство надобно пустить въ ходъ только въ крайнемъ случаѣ: Ивася, того гляди, проврется горлану–маіору; а тотъ —

ты знаешь — тогда тебѣ отъ него житья не будетъ.

Бесѣда эта кончилась проклятіемъ пани Бублинской на правдиваго Запорожца, Степана Власовича, тягосными вздохами, даже слезами, горькими жалобами: чего ему отъ насъ надо, чего онъ привязывается, чего ему хочется, какое ему до чего дѣло, что мы ему сдѣлали? Есть же такіе люди на свѣтѣ, которые всѣмъ желаютъ только зла, во все вмѣшиваются и никому не даютъ покою! и прочее.

Ивася встрѣтилъ названыхъ родителей своихъ на крыльцѣ, поздоровался съ ними, они поцѣловали его оба очень нѣжно, похвалили его, шутили — экой ты проказникъ! да какъ проворно все уладилъ! и всѣхъ барышень съ ума свелъ! — А не бось дома не затѣялъ этого, прибавила шутя пани Бублинская, а тамъ, гдѣ много барышень!

Упрекъ этотъ сдѣланъ былъ въ шутку и также принятъ Ивасею, у котораго совѣсть была чиста и спокойна; Ивася былъ вовсе не изъ тѣхъ людей, которые любезничаютъ

въ гостяхъ, на счетъ домашней своей любезности и вымѣщаютъ на домовинахъ своихъ несносною брюзгливостію каждое веселое и острое слово, каждую улыбку, коими дарятъ людей внѣ дома. Отъ этихъ–то двуличныхъ янусовъ и взялась золотая поговорка наша: не съѣвши съ человѣкомъ пуда соли, его не узнаешь. Ивася былъ дома веселъ и доволенъ, иногда почти можно сказать счастливъ; тутъ у него было подъ руками все, и книги, и свои записки, и мастерская, и кларнетъ, и ружье — тутъ любили его и угождали ему всѣ, начиная съ названыхъ родителей и до послѣдняго псаря или конюха — покрайней мѣрѣ у Иваси не было еще доселѣ никакого повода въ этомъ сомнѣваться; и если бы мы заглянули теперь въ душу его, то увидѣлибъ, напримѣръ, что онъ ушелъ сегодня съ зарею отъ Бабачковъ собственно для того, что его тянуло неодолимо домой; шумное веселье ему надоѣло. Можетъ быть была тутъ и небольшая частичка чего нибудь другаго; можетъ быть Ивасѣ хотѣлось, послѣ вчерашняго дня, также

неожиданно исчезнуть, какъ явился онъ, съ рожкомъ и со звѣринцемъ; но смѣю увѣрить, что побужденіе это во всякомъ случаѣ было только второстепенное. И потому, еслибы упрекъ Бублинской принять въ смыслѣ не шуточномъ, то онъ былъ бы не справедливъ, хотя не менѣе того говорилъ бы правду. Ивася точно не проводилъ дома день за день такъ, какъ нынѣ двое сутокъ у Бабачковъ; онъ не приготовлялъ дома, гдѣ былъ одинъ, съ бездѣтными мачихой и вотчимомъ — станемъ ихъ называть такъ — не припасалъ на каждый Божій день цвѣтныхъ и потѣшныхъ огней, живыхъ картинъ и окрутниковъ; онъ даже былъ дома, если хотите, обыкновенно нѣсколько молчаливѣе, нежели въ веселомъ обществѣ, менѣе любезенъ и занимателенъ, чѣмъ съ дѣвицами; но развѣ можно за это упрекать человѣка, развѣ можно требовать, чтобы онъ былъ въ этомъ смыслѣ одинаковъ дома и въ гостяхъ, при людяхъ и безъ людей, въ обществѣ степенныхъ людей, стариковъ и старухъ и между молодыми людьми, съ

дѣвицами? Даже просто, съ людьми, которые докучаютъ ему, надоѣдаютъ, или покрайней мѣрѣ не занимаютъ, и съ такими, которые, однимъ присутствіемъ своимъ располагаютъ къ бесѣдѣ болѣе шуточной, веселой, затѣйливой?

И тутъ, какъ всюду, должное, истинное, лежитъ въ срединѣ; но грани незамѣтно сливаются съ крайностями и не всякому удастся держаться вѣкъ свой въ равновѣсіи на золотой срединѣ этой, какъ искусному акробату, на слабо натянутомъ канатѣ своемъ. Это тѣмъ труднѣе, что тутъ уже надобно быть мастеромъ своего дѣла, ходить и стоять — и плясать подчасъ — безъ перевѣснаго шеста балаганныхъ фигляровъ; ходить вольно, твердо, свободно, самоувѣренно, не замѣчая по видимому бездны подъ ногами; ходить какъ по гладкому полу. Крайности здѣсь я думаю очевидны: одинъ бываетъ дома тѣмъ скучнѣе и несноснѣе, чѣмъ милѣе и любезнѣе былъ наканунѣ въ гостяхъ; другой дичится напротивъ въ людяхъ, скучаетъ, глядитъ бирюкомъ, боится

чужаго человѣка, какъ ребенокъ буки; третій разсыпается въ обществѣ мелкимъ бѣсомъ, ни въ ладъ ни въ мѣру, многимъ надоѣдаетъ, иныхъ забавляетъ, себя унижаетъ и въ глазахъ общества слыветъ шутомъ; четвертый наконецъ на каждомъ шагу боится промолвиться и оступиться, хочетъ избѣжать помянутаго недостатка и за то уже не понимаетъ никакой шутки, обижается всѣмъ, бываетъ тяжелъ и несносенъ.

Но возвратимся къ упреку, сдѣланному Ивасѣ. Люди всѣ безъ изъятія, тѣже дѣти — ихъ забавляетъ только новая игрушка, а старая скоро надоѣдаетъ. Кларнетъ Иваси могъ произвести такое необыкновенное дѣйствіе только тамъ, гдѣ его не ожидали и почти не знали: дома слушали его иногда, это правда — но къ нему привыкли уже съ тѣхъ поръ, какъ бывало упрашивали еще десятилѣтняго ребенка: «сдѣлай милость, Ивася, перестань дудить — въ ушахъ звенитъ и голову разломило!»

Сверхъ того, развѣ вы думаете что такую шутку, какъ съигралъ Ивася, можно родить къ услугамъ вашимъ во всякій часъ и во всякое время, когда только вамъ будетъ угодно, не спрашиваясь о томъ у самого себя? право не льзя; на это также нужно вдохновеніе; умѣйте его поселить, возбудить въ томъ, отъ кого ожидаете забавы — и она явится сама; просьбы же ваши, почтенныя хозяйки, просьбы ваши потѣшить и развеселить гостей, обыкновенно отымаютъ и послѣднюю къ тому охоту и способность. Тогда только, если хозяйка сама до того мила и любезна, что и самая просьба эта поселяетъ мгновенное вдохновеніе, тогда только она можетъ позволить себѣ прибѣгнуть къ этому отчаянному средству. Одно слово раждаетъ другое, за шутками смѣхи, за смѣхами потѣхи, вы развернулись и развеселились сами не зная какъ и отчего, время пролетѣло, вамъ было весело, пріятно, и вы же, говорятъ, утѣшили и порадовали другихъ — вотъ какъ это дѣлается, а не по заказу! мгновенный

толчокъ, какая–то духовная искра, сообщенная случайными обстоятельствами, воспламеняетъ васъ, тутъ родятся, нечаянно и безъ головоломныхъ размышленій, и выдумка и самыя средства къ исполненію; въ васъ есть какое то вдохновеніе, увѣренность въ успѣхѣ, которая придаетъ вамъ духъ, охоту и бодрость; но послѣ такого напряженія вамъ необходимъ покой, отдыхъ, васъ тянетъ домой, въ уединеніе, и дома вы будете молчаливѣе обыкновеннаго, по видимому скучнѣе. Однѣ только противуположности поддерживаютъ силу и бодрость души нашей: однообразность усыпляетъ, утомляетъ, истощаетъ. Всмотритесь пристально въ какой либо предметъ ярко алаго цвѣту — потребность успокоить глазъ и опочить на цвѣтѣ противуположномъ до того въ немъ усилится, что взглянувъ на бѣлую, безцвѣтную поверхность, вы ясно увидѣте передъ собою тотъ же предметъ, или пятно тѣхъ же очерковъ, но только не алаго, а зеленаго цвѣту.

И горе тому, у кого есть этотъ даръ, тѣшить, веселить и забавлять добрыхъ людей, и онъ, не спрашиваясь и не ожидая вдохновенія, закабалитъ себя въ слуги и холопы этихъ добрыхъ людей, станетъ увеселять ихъ по заказу, когда угодно! Тѣ, которые неотступными просьбами своими соблазнили васъ попрать собственное достоинство свое, впослѣдствіи кинутъ на васъ и первый камень; и не удивляйтесь тому, это въ природѣ вещей: если вы забудетесь противъ самихъ себя, то люди станутъ также противъ васъ забываться; вы сами себя не уважаете, и люди уже болѣе васъ не уважаютъ.

Не удивляйтесь же и тому, что художники бываютъ большею частію причудливы, прихотливы. Послѣ вдохновенныхъ восторговъ, безъ коихъ нельзя создать ничего чрезвычайнаго, душа умильно требуетъ отдыха, покою, или новыхъ и разнообразныхъ впечатлѣній. Художникъ не можетъ и не долженъ служить вамъ, человѣку, онъ служитъ генію своему; тогда творенія его будутъ даровиты,

благотворны и лучезарны; подходите, упояйтесь роскошнымъ тепломъ и свѣтомъ отрадныхъ лучей, они къ услугамъ вашимъ, когда стоятъ передъ вами, какъ отдаленное, неразгаданное еще сѣверное сіяніе; но не требуйте чтобы небо загоралось струями молніи для васъ, и тогда именно, когда вамъ вздумается потѣшиться этимъ явленіемъ!

—

Теперь просимъ читателей взять на себя трудъ, прочитать три или четыре письма, которыя всего лучше познакомятъ насъ, какъ съ нѣкоторыми лицами, такъ и съ событіями въ извѣстномъ намъ кругу.

Горемыкинъ къ Ивасѣ.

М. Г. Василій Ѳедоровичъ!

Приношу Вамъ напередъ всего искреннѣйшую благодарность мою, за снисходительную дружбу и пріязнь вашу ко мнѣ, столь для меня драгоцѣнную, и за добродушное позволеніе, докучать вамъ, когда мнѣ вздумается, письмами своими.

Иногда, знаете, не достаетъ духу выговорить языкомъ того, что напишешь въ тихомолку на молчаливый листокъ, какъ будто про себя.

Я стою здѣсь както одинъ, одинокъ, живу — если спрошу себя по совѣсти — только такъ, чтобы день прошелъ. Бесѣда съ вами открыла мнѣ какой–то новый міръ, къ которому я прежде не тянулся, потому что его не зналъ. Бездѣйственный покой и насущная жизнь тяготятъ меня, мнѣ бы хотѣлось переучиться, переобразоваться, чтобы не сказать перерoдиться съизнова. Какъ я слѣпо вѣровалъ во всякую печатную страничку, какъ твердо и самоувѣренно я держался бѣдною головою своею за все, что профессоры мои возглашали со священной для насъ каѳедры, или адьюнкты читали запинаясь по ихъ тетрадкамъ! пишешь бывало, не успѣваешь, хватаешь на лету слова и рѣчи, сплетаешь ихъ послѣ кое–какъ и блаженствуешь, когда добьешься смыслу! а рукопись профессора, это кладъ недосягаемый, какъ звѣзды на небѣ: можно наслаждаться

блескомъ ихъ, но достать рукой — нельзя!... Теперь както всѣ демоны сомнѣній пробудились въ груди моей; не понимаю уже того, что, казалось, ясно понималъ прежде — начинаю сомнѣваться въ томъ, за чтобы прежде положилъ голову на плаху; вижу разнорѣчіе, несообразность, великолѣпное пустословіе, гдѣ прежде все для меня было шито и крыто.... Отчего же, скажите, нѣтъ вещи, ни столь простой, ни столь запутанной, чтобы не было на нее и сотни различныхъ объясненій, ясныхъ и отчетистыхъ — по словамъ толкователей — какъ логическое заключеніе; какъ силлогизмъ, но противорѣчащихъ одно другому, какъ зло добру, какъ день ночи? Да вотъ, кстати, почтеннѣйшій Василій Ѳедоровичъ, слово о логикѣ! я держался за нее, какъ за оплотъ вселенной, за краеугольный камень разсудка — я теперь не управлюсь уже и съ нею: она ли измѣнила мнѣ, самъ ли я съ нее повихнулся — о, вы не повѣрите, у меня на душѣ и въ головѣ развело такую зыбь, какая–то непріязненная буря всколыхала

все что во мнѣ есть живаго, я не совладаю уже и самъ съ собою!... Изволите ли знать, что меня съума сводитъ уже другіе сутки? слѣдующій силлогизмъ:

Praeроэ. major. Питье утоляетъ жажду.

Praeроэ. minor. Селедка въ пищѣ, побуждаетъ къ питью.

Concluэio. Ergo — слѣдовательно, селедка утоляетъ жажду.

Что вы тутъ прикажете дѣлать? явная безсмыслица, а между тѣмъ, какъ бы то нибыло, исправный силлогизмъ! я не доберусь до завязки, и меня это мучитъ день и ночь.

Васъ здѣсь, какъ видно, почасту вспоминаютъ; Степанида Ѳоминишна говоритъ, что вы насъ совсѣмъ забыли. Между тѣмъ — боюсь показаться нескромнымъ — не знаю смѣть ли поздравить васъ — я знаю что это еще тайна, что еще ничего положительно не объявлено; у насъ однакоже, между своими, поговариваютъ объ этомъ довольно гласно. Намедни шла уже рѣчь и о приданомъ, и Степанида Ѳоминишна сама

хочетъ въ свое время съѣздить за этимъ въ городъ. Вѣрьте, многоуважаемый Василій Ѳедоровичъ, что я вамъ душевно желаю всякаго добра и блага и — не сомнѣваюсь въ будущемъ вашемъ благополучіи. Оно суждено не всякому. Имѣю честь и пр.

Приписка. **Стыжусь признаться, въ какіе я попалъ дураки со своимъ силлогизмомъ; но не хочу рвать этого письма, не хочу скрывать отъ васъ недостатковъ своихъ и если придется передъ вами краснѣть, то да-будетъ это заслуженнымъ наказаніемъ моимъ за опрометчивость и тупость мою. Я предложилъ силлогизмъ свой Савкѣ — онъ, съ прибаутками и поговорками, переложилъ его только на свой языкъ — и безсмыслица обнаружилась. Онъ перевелъ несчастный силлогизмъ мой такъ:**

Напившись пить не хочется;

А поѣвши селедки пить хочется.

Стало быть, поѣвши селедки, пить *не* хочется! Савка прибавилъ еще къ этому, не подозрѣвая даже что меня дурачитъ: нѣтъ, сударь, стара штука, меня на этомъ не проведете!

Еще приписка. **И еще разъ долженъ я передъ вами краснѣть: когда хотѣлъ сдѣлать на многоуважаемое имя ваше надпись — или, какъ вы намѣдни предложили замѣнить слово адресъ, *насылку* — то вспомнилъ, что къ стыду своему не знаю даже вашего почтеннаго прозванія. Но еще болѣе удивило меня, что Сергѣй Сергѣевичъ, и сама даже Степанида Ѳоминишна не могли меня выручить; они, какъ увѣряютъ, знаютъ васъ съ измала, только по имени и отчеству. И такъ, извините меня великодушно и прошу покорнѣйше наставьте.**

Ивася къ Горемыкину.

Неожиданно обрадовало меня вчера письмо ваше, почтеннѣйшій Евстратъ Богдановичъ, и напередъ всего — прошу васъ, оставьте милостивыхъ государей, поклоны, почтенія и уваженія: такъ я писать не могу.

Вижу изъ словъ вашихъ, что вихри сомнѣній мутятъ и волнуютъ въ душѣ вашей море книжныхъ познаній — (не знаю, съ чего у меня вырвалось такое напыщенное

иносказаніе) — и что здравый разсудокъ, который ищетъ для построекъ своихъ не пловучую гнилушку, хотя бы она даже ночью свѣтилась, а прочныхъ, надежныхъ основаній — въ разладицѣ, и съ вихремъ этимъ и съ водяною стихіею. Какъ быть; это участь наша. Но не я поселилъ въ васъ этого демона сомнѣній и недоумѣній; обитающій въ насъ духъ рано или поздно долженъ проснуться отъ безчувственной дремоты своей, какъ убаюканное дитя, просыпающееся въ свое время, даже и послѣ самыхъ сладкихъ колыбельныхъ пѣсенокъ нянюшекъ и мамушекъ. Вы скажете: его однакоже можно опять укачать и убаюкать — можно, покуда оно еще въ пеленкахъ; а тамъ приходитъ и такая пора, что баю, да баю надоѣдаютъ, пѣснями, да сказками не возмешь, дитя отбивается отъ рукъ. Есть дѣти, которые вѣкъ остаются дѣтьми; есть и люди, которые довольны познаніями своими, ученостію и успѣхами наукъ; эти люди счастливы; блаженъ, кто это можетъ. Но этой науки у насъ еще нѣтъ, ее не преподаютъ нигдѣ: какъ вѣрить

по неволѣ, наперекоръ и вопреки убѣжденію, и какъ довольствоваться безропотно тѣмъ, что преподаютъ намъ ученые мужи съ каѳедры. Если открыть передъ вами душу, то скажу вамъ, я увѣренъ, что знаменитая наука или искуство мыслить, ни одного человѣка не выучила тому, чему учитъ, а многихъ сбила съ толку. Впрочемъ, собственно вашему недоумѣнію, Евстратъ Богдановичъ, логика конечно уже не виновата. Она, сама по себѣ, безъ сомнѣнія стоитъ на твердыхъ и незыблемыхъ ногахъ; но я не вижу никакой въ томъ пользы, если мы выучимся разлагать на ружейные пріемы всякую мысль, всякое заключеніе — разсадимъ все это по клѣткамъ, столбцамъ и разрядамъ, обременяя по пустому и память и самый разсудокъ. Воля ваша, а всѣ духовныя способности наши ходятъ въ кандалахъ и въ путахъ, если заставлять ихъ дѣлать два дѣла вдругъ; зануздaнный и замуштученный разсудокъ очень часто теряетъ природную отвагу и силу, бодрость и прозорливость; раздробленный на части, разсаженный по

этимъ столбцамъ и клѣткамъ, съ таблицами для руководства въ рукахъ, онъ самъ, по неволѣ, дѣлается мелочникомъ, крохоборомъ, начинаетъ гоняться за пустою діалектикою, за школярствомъ, и наконецъ уже не умѣетъ отличить истины отъ лжи, правды отъ обмана. Ему форма, наружность, важнѣе сущности, важнѣе самой истины. Повторяю, логика здравомыслящаго, а риторика поэта не создавали; а многихъ сводили съ ума, вводили въ жалкій обманъ, заставляя думать, что они глубокіе мыслители и великіе поэты, потому только, что наизусть знаютъ всѣ правила логики и риторики. Правила логики составлены по ходу мыслей здраваго разсудка, который жилъ конечно прежде логики; а потому всякому, кому Богъ далъ здоровую голову, далъ онъ и логику. Тоже самое сказать можно о риторикѣ и піитикѣ.

Есть книга книгъ, Евстратъ Богдановичъ, написанная пѣвцомъ великимъ и вдохновеннымъ, съ народнаго преданія. Въ книгѣ этой говоритъ не

человѣкъ, а цѣлыя вѣка и поколѣнія — въ ней прошедшее, въ ней настоящее, въ ней грядущее — въ ней человѣкъ, каковъ онъ былъ, есть и будетъ. Она разоблачаетъ передъ нами таинственные предѣлы слитыхъ во едино духа и плоти, и предѣлы, до коихъ духу этому въ плотскихъ путахъ своихъ позволено возноситься; показываетъ,что выше лба уши не ростутъ. Книга эта удивительно спокоитъ, возставшую въ насъ бурю разногласія, спокоитъ и уравновѣшиваетъ поколебавшийся на конечныхъ вереяхъ своихъ, на оси своей, разсудокъ; воспламеняетъ спасительнымъ свѣтильникомъ своимъ на отдаленномъ небосклонѣ зарю вѣры: это Фаустъ, о которомъ мы съ вами намѣдни говорили — только Фаустъ въ подлинникѣ, а не въ переводахъ.

Относительно вашего поздравленія, хотѣлъ я было, принявъ его за шутку, отвѣчать тѣмъ же; но я разсудилъ, съ помощію своей логики, что это была бы шутка неумѣстная. И такъ увѣряю васъ не

шутя, что приданое готовится не для меня; ни Меланьѣ Сергѣевнѣ, ни мнѣ, предполагаемое досужими вѣстоплетницами сватовство на умъ не приходило. Незнаю, съ чего это взято; неужели нельзя сказать молодой и пригожей дѣвушкѣ трехъ словъ, не женившись на ней?

И такъ, даже сама Степанида Ѳоминишна не могла разрѣшить вашего недоумѣнія — Степанида Ѳоминишна не знаетъ, какъ зовутъ сосѣда, который выросъ у нее на глазахъ, въ 15–ти отъ нее верстахъ! Въ самомъ дѣлѣ, это было бы неизвинительно, если бы только — у сосѣда этого было прозваніе; но его нѣтъ. Дома зовутъ меня Ивасей, въ гостяхъ Василіемъ Ѳедоровичемъ, то есть по отцѣ Ѳедоровымъ.

Пушка къ Ивасѣ.

Ты утикъ, хлопче, та й байдуже — а тутечки голосять: подай, кажуть, нашого Ивасю, озьмы та подай! Бувало спивають: Дидъ рудый, баба руда..... а тамъ сталы спиваты таку, що ажъ нудыть:

Ой, бачыться що й не плачу —
А слизоньки льються;
Видъ милого нема людей
Видъ нелюба шлються....

А вже теперечки нема писни, нема й торбана, та кажуть що скоро не буде и дивчины: бо схне, схне якъ квитокъ на стеблу, та росою зъ очивъ своихъ сама себе поливае, Ивасю, серденько своего до себе пиджидае. А Иваси нема: чи винъ утопывся, чи винъ забарывся, а нема.

Чи ты жъ справду ихъ, мій Ивасю? чи тожъ можно, щобъ винъ — кажу соби, кажу й людямъ — чи тожъ можно, щобъ Ивася дивчину свою покынувъ? ни, не така въ него душа, не такій винъ бачете разумъ мае! Не намовляйтежъ, люде, на мого Ивасю, бо що винъ робыть, то добре робыть, якъ диды наши варенуху варылы — а вже теперечки токоій нема; — то було: уміючи–знаючи, добре годаючи... то козакъ, мій Ивася, правдыва душа, дай Боже и вашому батькови такого сына, якъ мій Ивася!

Слухай, мое сердце: тутечки квочки мои посказылыся, прыихалы до мене, скильки

ихъ тамъ е, уси, кажуть: Дядько! выручи насъ: Ивася полюбывъ крестну доненьку твою; винъ іи любывъ, вона его любыла, мы вже и рушныкы и хустки попрыпасалы — а теперечки ёго нема, та й нема, та ще витчимъ ёго казавъ десь, що хлопець про те и не дума и не гада, нехай не сподиваються... дивка свиту не бачыть, схне, пропадае; выручи, батьку Степане Власовичу, выручи!

Отъ тоби, Ивасю, и уся не довга; чи воны тутъ яке дило кажуть, чи воны якъ тая собака, що незмогла рику вылакаты, та цилу нычъ на воду брехала — лыхо ихъ зна; ябъ самъ прыихавъ до тебе, та щось не сдужаю; пышы, або ще лучше якъ прыидешь до старого самъ.

Ивася къ Пушкѣ.

Почтенный Степанъ Власовичъ, мой почтенный, много уважаемый, доблестный запорожецъ! Что я скажу вамъ, при такомъ смятеніи чувствъ моихъ, при такомъ волненіи испуганной души? *правду*, скажете вы — и она передъ вами: читайте.

Первое чувство, сказавшееся во мнѣ, по прочтеніи истинно отеческаго письма вашего, было — негодованіе; негодованіе въ высшей степени на безсовѣстныхъ сплетницъ чтобы не назвать ихъ другимъ болѣе приличнымъ, именемъ — отпусти имъ Господи грѣхи ихъ! Второе чувство: признательность къ вамъ, за прямодушіе и довѣріе ваше; и наконецъ, душевная скорбь и соболѣзнованіе о той, которую такъ искусно умѣли подготовить, обольстить притворными увѣреніями, употребить просто слѣпымъ орудіемъ замысловъ своихъ и заставить ее противъ воли, въ непорочномъ простодушіи своемъ, принять участіе, въ розыграніи этой предосудительной комедіи. Соболѣзную душевно и проклинаю виновницъ, бездушныхъ нарушителей нашего — ея и моего — покою.

Честно и добросовѣстно увѣряю васъ, что я никогда не подавалъ повода къ такимъ догадкамъ и заключеніямъ; совѣсть моя чиста: ни словомъ, ни взоромъ не говорилъ я ей самой — а и того менѣе кому

другому — о чемъ и самъ никогда не помышлялъ. Вы сами свели насъ тогда, послѣ пожара, вмѣстѣ; я охотно бесѣдовалъ съ нею, это правда; но то, что я ей говорилъ, моглибы слышать, и слышали большею частію, всѣ присутствовавшіе. Я охотно разговаривалъ съ нею иногда, потому что она умненькая и пригоженькая дѣвица; но развѣ можно жениться на всѣхъ пригоженькихъ дѣвушкахъ, съ которыми иногда побесѣдуешь?

Я скоро замѣтилъ неприличное, нескромное и оскорбительное для чувства всякой благонравной дѣвицы вмѣшательство нѣкоторыхъ лицъ — меня это огорчило, не за себя, а за нее, и я вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы избавить ее отъ подобныхъ явленій; я съ тѣхъ поръ ни разу болѣе не былъ въ Шпиговкѣ. И вотъ конецъ всему этому! повторяю, я на чужомъ пиру съ похмѣлья; не виноватъ, ниже помышленіемъ. Но не вѣрьте ради Бога всему, что насказали вамъ эти наемныя плакуши о крестницѣ вашей: я совершенно убѣжденъ, что онѣ лгутъ. У

нихъ есть на это, какъ на все, свои причины.

Вотъ вамъ, мой почтенный, многоуважаемый, Степанъ Власовичъ, все что могу сказать въ свое оправданіе. Обвините меня, если я виноватъ. Завтра я къ вамъ буду, сегодня уже поздно, а я не хотѣлъ оставить васъ безъ отвѣту — да и самъ я въ немъ нуждался; душа просилась излиться передъ вами сей часъ же

—

Трудно себѣ вообразить, до какой степени былъ взбѣшонъ и огорченъ нашъ Ивася. Съ нимъ продѣлка такая случилась еще впервые: гласность, которую придали ей не безъ намѣренія заботливыя кумушки, испугала его; положеніе Мелаши казалось ему не выносимымъ, а пособить было нечѣмъ. Поступокъ, въ которомъ его обвиняли, былъ въ глазахъ его подлостію; всѣхъ разувѣрить было невозможно, а какими глазами смотрѣть послѣ всего этого на людей? Ивася не могъ постигнуть, какимъ образомъ безстыдство и самовластіе

сплетницъ, могли дойти когда нибудь до такой крайности. Мы, люди бывалые, видывали виды и почище этого, и тутъ вовсе ничему не удивляемся. Обезславить бѣдную дѣвушку, лишить ее покою, наклепать и напутать все, что вздумается и на кого вздумается — все это не рѣдко дѣлается безъ всякой цѣли, только для того, чтобы было о чемъ побесѣдовать; если же тутъ кроются еще какіе нибудь замыслы, то наше гибельное *авось*, *небось*, и *какъ нибудь*, заступаютъ мѣсто чести, совѣсти и разсудка. О, эти записныя искательницы невѣстъ для жениховъ и жениховъ для невѣстъ, эти заботливыя хозяйки въ чужомъ хозяйствѣ, дивныя созданія: онѣ чутьемъ слышатъ, что дѣлается и творится на семьдесятъ семисотныхъ верстъ въ околодкѣ; и какъ только зачуютъ это, да промыслятъ вѣсточку по себѣ, то и бѣгутъ сломя голову, какъ разбитыя почтовыя клячи съ гону и начинаютъ, протянувъ вялыя, тучныя или сухопарыя шеи свои, каркать и гагакать, будто Капитолій снова загорѣлся!

Онѣ судятъ и рядятъ, онѣ дѣлятъ и межуютъ, казнятъ и милуютъ — онѣ знаютъ все; онѣ увѣряютъ васъ въ одинъ духъ, покуда ихъ не схватитъ удушье, что Машенька Пухова выходитъ за роднаго брата своего — хотя она, до поры, не выходитъ ни за кого, а брата у нее и не бывало; что сыръ *пармезанъ* и люди *фармасоны* въ одной землѣ живутъ; что Иванъ Павловичъ взялъ за женою столько–то, а отдалъ за дочерьми столько–то, хотя Иванъ Павловичъ никому на свѣтѣ объ этомъ не говорилъ и дивится только, отчего у него въ ушахъ звенитъ? — Что звѣзда съ хвостомъ, была прежде звѣзда съ кольцомъ, да кольцо разогнулось. — Наконецъ, нѣтъ свадьбы, нѣтъ сговору, нѣтъ крестинъ, нѣтъ разводу, нѣтъ похоронъ, нѣтъ помолвки безъ нихъ; онѣ опредѣляютъ въ ареопагѣ своемъ чему быть, чему не бывать, кому на комъ жениться и кому кого родить... сводите и разводите вы мосекъ и кошекъ своихъ, обезьянъ и попугаевъ, а не насъ!

Нѣтъ земли на бѣломъ свѣтѣ, гдѣ бы сватовство на заказъ достигало такой степени общности и совершенства, какъ у насъ. Лишь только дѣвушка сложилась, какъ она уже и пошла ходить невѣстой: и ни на одномъ языкѣ слову этому не дано такого обширнаго значенія. За тѣмъ, сами родители, тетки, бабки, кумушки, тещи, свекрови, золовки, свояченницы, все это пошло, по первому дозжу, по женихи, что по грибы. Тутъ упаси Боже подвернуться нашему брату, беззаботному: ты не успѣешь еще ни здравствуй, ни прощай вымолвить, а ужъ тебя раздѣли, и въ карманъ къ тебѣ слазили, и въ зубы поглядѣли, и опять обули, и всего въ двухъ пальчикахъ, что батистовый платочекъ, перещупали. Глядишь — иной вислоухой ни думалъ, ни гадалъ, а ужъ ему давнымъ давно въ одно ухо влѣзли въ другое вылѣзли, а самого въ клубочекъ свертѣли, да въ ридикюльчикѣ и понесли домой: и поминай какъ звали. Что послѣ будетъ — до этого имъ нѣтъ нужды; послѣ онѣ же первыя прикатятъ мирить да разводить —

объ этомъ незаботьтесь. И онѣ же сами вамъ растолкуютъ послѣ, отчего и почему это все такъ случилось и иначе быть не могло.

А почему же и не такъ? Многіе женятся такимъ образомъ, и плодятся и множатся. Напримѣръ, я вздумалъ жениться, такъ, ни съ того, ни съ сего, мнѣ захотѣлось. Вы ошибаетесь, если полагаете, что у меня есть на примѣтѣ и невѣста: нѣтъ, это уже не моя забота, я попрошу только какую нибудь Степохлесту Перехватовну, добрую, услужливую женщину, и она найдетъ невѣсту, подберетъ мнѣ по шерсти и по другимъ примѣтамъ, какую угодно. Напримѣръ, чтобы была и молода и черноброва, и плотненька богата, и хороша и не причудлива и вдобавокъ еще говорила по Французски и играла на фортепіано не менѣе 80–ти штукъ. И сваха моя выхваляетъ передо мною товаръ свой, словно сидѣлецъ на щукиномъ дворѣ: «жилеты есть, сапоги, полусапожки хорошіе, шинели форменныя, шляпы, платки, перчатки....» Есть, говоритъ она, на

примѣтѣ такая–то, есть и такая–то: есть одна, и молода и богата и черноброва и замужъ хочетъ.... такъ чтоже, подавайте ее сюда! — Да она, вишь, только за военнаго хочетъ, а чернаго платья не терпитъ! — Э, вздоръ, ничего, вѣдь я и самъ хотѣлъ когда–то служить, и давно былъ бы теперь капитаномъ, да еще и въ кавалеріи; это пустое, матушка, все равно! — и другая у меня есть — и третія есть — и я все приговариваю: подайте сюда и эту, а не то, подайте ту! — Ну, позвольте, потерпите, дайте мнѣ поразвѣдать маленько, отвѣчаетъ наконецъ моя Перехватовна, сладимъ дѣло, не безпокойтесь, я многимъ господамъ служила, слава Богу, довольны остались. Во все это время, вы меня ужъ ни гдѣ не встрѣтите иначе, какъ въ новомъ фракѣ моемъ, со свѣтлыми пуговицами и въ жилеткѣ съ отворотами.

Наконецъ, меня везутъ на *смотрины*, хотя ихъ и не всегда такъ называютъ, а говорятъ: просятъ познакомиться. Но знакомство это ограничивается тѣмъ, что я пріѣду вечеромъ, когда уже смеркнется, въ

домъ, въ которомъ отроду не бывалъ, что меня встрѣчаютъ, какъ стараго знакомаго, называютъ по имени и отчеству, спрашиваютъ о здоровіи отсутствующей матушки моей, братьевъ и сестрицъ, называя также всѣхъ ихъ по имени — а между тѣмъ всѣ смотрятъ на меня, какъ лягушки на осиноваго царя своего — кто вылупивъ глаза, кто бочкомъ, кто искоса, кто украдкой; и Маша входитъ наконецъ, разодѣтая, разубранная впухъ и садится, зарумянившись, разливать чай. Бесѣда идетъ между тѣмъ самая политичная, все о постороннихъ вещахъ, будто ничего не бывало. Вотъ и все знакомство; или вы завтра же можете поздравить меня женихомъ, если невѣста мнѣ приглянулась, или я раскланиваюсь и принявъ приглашеніе: быть знакомымъ, пропадаю безъ вѣсти на всегда, если то есть невѣста не показалась. Въ этомъ случаѣ нога моя больше не бываетъ въ домѣ. Положимъ я рѣшился: сватаюсь, и жалѣю только, что новый *Альмавива* мой пролежалъ весь вечеръ въ передней и что, кромѣ слугъ,

которые на немъ преспокойно почивали, его никто не видалъ. И такъ, сватаюсь, наконецъ вѣнчаюсь, везу молодую домой — и тутъ только начинаю мало по малу догадываться, что мнѣ придется еще поневолѣ сдѣлать весьма значительныя уступки, относительно разныхъ свойствъ, качествъ и принадлежностей супруги моей, противъ перваго моего затребованія, первой сыскной, погонной, накладной — если только не доведется намъ разойтись врознь, каждому туда отколѣ пожаловалъ.

Нѣкто — по чину титулярный, по росту коротышъ, по лѣтамъ своимъ старшій братъ или дядюшка, а по званію, на этотъ разъ, рѣшительный женихъ — пріѣхалъ, по службѣ, изъ уѣзднаго города въ губернскій. Какъ же не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, какже не привезти домой жену, на казенныхъ прогонахъ? — и видитъ онъ, не знаю какъ и гдѣ, какой–то рисунокъ, — разумѣется красками — подъ которымъ подписано: рисовала дѣвица Анчоусова. «Какая это дѣвица?» — здѣшняя говорятъ, дочь втораго члена

межевой конторы: отецъ весь вѣкъ свой графилъ да чертилъ, да отбивалъ пунктиромъ, да расписывалъ, по положенію, березовый лѣсокъ зеленою, а дубовый коричневою краской — дочь у него всему этому наглядкой и научилась. Коротышъ мой, не долго думавъ и не пускаясь ни въ какіе далѣе распросы, засылаетъ сваху. Осторожный членъ спрашиваетъ: «которую дочь сватаете?» а свашенька призадумалась, не могла отдать порядкомъ отчета и поѣхала за справкой. «И такъ ихъ двѣ!» восклицаетъ въ радостномъ изумленіи женихъ, будто хотѣлъ жениться на обѣихъ — «да сватайте ту, которая такъ превосходно пишетъ красками!» — Никакъ онѣ обѣ рисуютъ. — «Обѣ? это однакоже довольно странно; сей часъ видно, что губернскій городъ! и можетъ быть другая рисуетъ еще лучше той?» подумалъ коротышъ.... какъ тутъ быть? «Ну, все равно, только сдѣлайте милость, какбы дѣло кончить поскорѣе — нельзя ли сегодня?» я рада стараться, да которую же прикажете сватать? старшую,

что ли? «Ну да, ладно, старшую такъ старшую!» или можетъ–статься полюбится вамъ меньшая? она дѣвушка бойкая? — «Ну, и то хорошо, пожалуй, меньшую — только сдѣлайте милость поскорѣе: вы поѣзжайте, а я тутъ у васъ обожду!» сваха ѣдетъ, сватаетъ, возвращается домой — но женишка нашего нѣтъ, ни сегодня, ни завтра, ни послѣ завтра, словно утонулъ — а тамъ вдругъ слышно, что онъ уже и помолвленъ, и вовсе на иной. Какже это случилось? да очень просто: вы уже видѣли, что жениху нашему охота жениться пришла смертная; ему до вечера дожидаться показалось долго, и пошолъ онъ раздумье мыкать, пройтись по широкой улицѣ. Идетъ, идетъ и видитъ вдругъ передъ нимъ мелькнула, перебѣжавъ дорогу, прекрасная незнакомка и исчезла, нырнувъ въ калиточку. Вмѣсто салопа и шляпки, былъ на ней накинутый черезъ голову большой бумажный платокъ, лица почти было не видно, но — если она будетъ моею женою, подумалъ Коротышъ, такъ я еще наглядѣться на нее успѣю. Между

тѣмъ, красавица на бѣгу обронила тетрадку, которую нашъ искатель невѣстъ съ жадностію подхватилъ и прочелъ на ней: «Древняя Исторія.» О, Кліо, восклицаетъ вдохновенный, Кліо, ты моя! Замѣтимъ, что Кліо бѣжала изъ пансіона какого–то французскаго самоучителя, осколыша большой арміи — и была между тѣмъ уже дѣвой зрѣлой. У насъ слѣдовали Жанъ–жаку и дѣтей смолоду ученьемъ не убивали. И Кліо, которая пряталась первые три дня отъ нашего сверчка–жениха, словно отъ пугалы, привыкла къ нему ровно къ тому сроку, какъ поспѣло приданое — нѣтъ чуда, къ которому бъ не приглядѣлся свѣтъ — и вышла за него и живетъ по сей день.

Нѣкто, коллежскій ассесоръ и кавалеръ, человѣкъ дѣловой, скорый, расторопный, который вставалъ лѣто и зиму въ четвертомъ часу, а ложился въ девятомъ — послѣ обѣда отдыхалъ съ часикъ и опять спѣшилъ во всѣ концы по дѣламъ, расказывалъ вамъ, не переводя духу, состояніе атмосферы по барометру и

термометру, денежные курсы, по вѣдомостямъ, въ Москвѣ и въ Петербургѣ; цѣну на овесъ, рожъ и пшеницу, новости городскія, загородныя и иногородныя; кражи, пропажи, смертные случаи, сватовство, крестины и родины — и еще вдобавокъ, дюжину особыхъ предположеній о всякой всячинѣ, такимъ же образомъ, на самую скорую руку, обдѣлывалъ свои домашнія и чужія дѣлишки по той части, о которой мы собственно говоримъ. Онъ пріискалъ однажды для дочери пріятеля и сослуживца своего, для котораго старался какъ для себя, завиднаго жениха — съ условіемъ однако же, чтобы 20 т. отдано было напередъ безотчетно въ распоряженіе новобранца. Согласились, помолвили дѣтей и запили, какъ водится, шампанскимъ. День свадьбы пришелъ, посаженные съѣхались, шаферы на лицо, невѣста одѣта, гости прикатили, музыка дожидается, а жениха нѣтъ. Фонарь — такъ мы называли домикъ хозяйскій, за то, что онъ былъ малъ, тѣсенъ, свѣтелъ, прозраченъ и очень засаленъ — фонарь давно освѣщенъ, народъ

толпится подъ окнами, готовый плакать и смѣяться, какъ случится — посылаютъ въ церковь въ десятый разъ — жениха нѣтъ. Наконецъ отправляютъ за нимъ шафера: не заболѣлъ ли, не случилось ли чего? ничего не бывало; онъ сидитъ дома, въ халатѣ, въ спальныхъ сапогахъ, куритъ трубку и читаетъ Московскія вѣдомости. «Помилуй, братецъ, одѣвайся, время къ вѣнцу ѣхать, тебя давно ждутъ; что съ тобой, не здоровъ, что ли?» — Нѣтъ, ничего, слава Богу; да такъ, я раздумалъ. — «Что раздумалъ?» — да жениться. — «Помилуй ты шутишь?» — Чего шутить, нѣтъ, право. Самое пустое дѣло; колода на шеѣ, руки связаны, ребятишки визжатъ — Богъ съ ними и съ нею. — Шаферъ, внѣ себя отъ изумленія, отправляется обратно; — шопотъ, совѣты, все тишкомъ да нишкомъ — барыни раскудахтались, засуетились — но коллежскій ассесоръ мой сѣлъ уже на столбовыя дрожки свои и покатилъ къ жениху, и въ двѣ минуты разузналъ все, что ему было нужно. Женихъ не довѣрялъ дарословію будущаго

тестя своего, не вѣрилъ поговоркѣ: уговоръ лучше денегъ; а думалъ: деньги гораздо лучше уговору. Поэтому онъ и объявилъ, что не пойдетъ съ мѣста, до уплаты всего сполна по уговору. Когда же хлопотунъ нашъ привезъ ему полную сумму, которая частію нашлась у будущаго тестя, частію же была собрана тѣмъ же всесвѣтскимъ ходатаемъ у добрыхъ пріятелей вдолгъ, то женихъ, спокойно пересчитавъ деньги, приказалъ Гришкѣ подать шпагу, шляпу и мундиръ — а гости и невѣста между тѣмъ все дожидались — одѣлся, поѣхалъ, обвѣнчался, и тулумбасы гремѣли и тарелки стучали до полуночи и бѣ веселіе и многая радость.

Ивася, написавъ маіору отвѣтъ, пошелъ пройтись, куда глаза глядятъ. Душа его была такъ взволнована, что онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ. Незамѣтно прошелъ онъ довольно далеко: вечеръ былъ тихій и темный, Ивася остановился на мостикѣ, взглянулъ впередъ, и передъ нимъ затеплились три огонька. Съ негодованіемъ и болью на сердцѣ глядѣлъ онъ на

освѣщенныя окна Ирины Титовны и прислонившись, сложа руки, къ столбу мостика, покачалъ головою и сказалъ: такъ, онѣ опять уже сошлись, эти обветшалыя кофейныя мельницы, онѣ съѣхались на раду, на вѣче свое, потому что безъ нихъ, не было бы у насъ и завтряшняго дня. Убей васъ Божій гнѣвъ за грѣхи ваши, или прости по всемилосердію своему, а я васъ не прощаю. Нѣтъ, я бы отдалъ въ эту минуту половину всего имущества своего на построеніе смирительнаго дома, въ которомъ бы вы заняли первыя почетныя мѣста! тамъ бы я заставилъ васъ плесть и молоть — не языкомъ, которымъ вы теперь такъ искусно работаете, а руками, тогда бы вы узнали, въ поту лица своего, какое различіе между житьемъ тунеядца и жизнію честнаго, полезнаго, работящаго мужика; мужика, съ котораго вы теперь сымаете, перекрестясь, на прихоти и причуды свои, послѣднюю рубаху! Дурь и глупость вашу — Богъ вамъ проститъ; но двуличіе ваше, ханжество, безсовѣстность, бездушіе, клевету, ложь, которыя служатъ вамъ

орудіемъ и средствомъ ко всему, которыми вы, какъ блаженныя памяти Архимедъ, приподняли бы шаръ земной на оси его, если бы вамъ только дали опорную точку внѣ земнаго шара — неужели эти всѣ дѣянія ваши минуютъ достойнаго возмездія? Не знаю; но вижу, что теперь живете въ изобиліи, холите и себя и шавокъ своихъ, слывете пророчицами цѣлаго округа, васъ называютъ почтенными, а намъ велятъ уважать васъ; вижу что подходятъ съ подобострастіемъ къ вялой или дебелой рукѣ вашей — вижу, что у васъ есть на все свои потайные ключи, свои привѣты и совѣты, пружины и махины, доходы и доводы; слава и доброе имя — безъ котораго нельзя жить на свѣтѣ, промежъ людей — слава и доброе имя каждаго у васъ въ рукахъ, а языки ваши равно искусно и соловьемъ щелкаютъ и зміемъ шипятъ. Чего же вамъ больше? Вамъ и честь и слава и власть и сила, отнынѣ и до вѣка, аминь.

—

Бублинскіе, какъ уже напередъ можно было заключить изъ слышаннаго нами между достойною четою этою разговора, Бублинскіе этимъ оборотомъ дѣла были крайне довольны. Хитрый полякъ очень скоро смѣтилъ, что Ивася вовсе не думаетъ о сватовствѣ, что все это однѣ сплетни, положился на самостоятельность и разсудительность пасынка и не опасался уже болѣе, грозившаго было ему переворота. Подосланнымъ людямъ Бублинскіе отвѣчали насмѣшками, свысока, почему свахи наши, увидѣвъ что съ этого крыльца нѣтъ приступу, попытались зайти съ другаго, осадивъ и взявъ приступомъ нашего добраго запорожца.

Мачиха и вотчимъ нѣсколько времени послѣ этого происшествія обращались съ Ивасею ласковѣе обыкновеннаго и не могли скрыть свою радость. Между тѣмъ однакоже довольно странный и нечаянный случай, разстроилъ согласіе ихъ съ пріемышемъ болѣе, чѣмъ когда либо, лишивъ обѣ половины взаимной

довѣренности и открывъ Ивасѣ наконецъ горестнымъ образомъ глаза.

Зеленый панокъ, несчастный Чижикъ, былъ въ такомъ отчаяніи послѣ неудачнаго похищенія Улиньки, что хотѣлъ топиться и стрѣляться и наконецъ, перебѣсившись и образумившись, заслалъ опять къ Авдотьѣ Поликарповнѣ свахъ, полагая вѣроятно, что она уже послѣ довольно гласныхъ похожденій дочери своей, будетъ посговорчивѣе. Тетка его, Ирина Титовна, тутъ очень много хлопотала; но Поликарповна предлагала одну только мировую: чтобы у Чижика былъ свой кусокъ хлѣба; чтобы Титовна заживо отписала ему водяную мельницу свою, приносящую въ годъ тысячи двѣ. Разумѣется, что Титовна на этомъ основаніи не мирилась и слезы и просьбы племянника ея пропали за–даромъ. Отчаянною мольбою и разными обѣщаніями, Чижикъ успѣлъ однакоже склонить тетку свою уступить ему мельницу эту довольно сходно, съ тѣмъ, чтобы отдать наличныя деньги. Чижикъ пустился на

оборотъ этотъ въ довольно странной надеждѣ: выпросить десять тысячь взаймы у Иваси, который былъ въ глазахъ его однимъ изъ первыхъ богачей въ мірѣ. Добродушному Ивасѣ, которому корнетъ ростолковалъ, что вы–де изъ опеки давно вышли, въ самомъ дѣлѣ польстила мысль, сдѣлать, при первомъ свободномъ употребленіи достатка своего, доброе дѣло; онъ согласился было съ своей стороны пособить и Чижику и бѣдной Улинькѣ, но услышалъ отъ отчима своего, послѣ долгихъ и тщетныхъ переговоровъ, рѣшительное: *непозвалямъ*. Это подало наконецъ Ивасѣ поводъ просить, со всѣмъ уваженіемъ и сыновнею преданностію, чтобы опекунъ передалъ ему лучше все имѣніе; Ивася благодарилъ втораго отца своего непритворно за всѣ заботы его и попеченія и прибавилъ: «пора мнѣ однакоже самому заступить мѣсто опекуна моего и снять съ васъ, батюшка, бремя это, хлопоты и заботы о чужомъ; я не ребенокъ, мнѣ совѣстно лежать у васъ дармоѣдомъ на шеѣ.» Хотя полякъ Бублинскій умѣлъ

отклонить и отсрочить исполненіе этого требованія самымъ благовиднымъ образомъ и поцѣловалъ питомца своего при этомъ трижды въ лобъ — но бѣдный Ивася въ первый разъ отъ роду усомнился въ искренности этихъ лобзаній, что ему было горько и больно до нестерпимости. Невольно въ Ивасѣ мелькнула мысль: что отчимъ или опекунъ его извлекаетъ какія нибудь личныя для себя выгоды изъ довѣреннаго ему имущества; добрый Ивася самъ ужаснулся такой мысли, но она уже не отвязчиво его преслѣдовала и ему не было отъ нее покою. Ему дороги были тутъ не рубли и копѣйки, а честь своего втораго отца, котораго онъ привыкъ уважать и почитать съ малолѣтства, какъ отца роднаго. Грусть и раздумье заволокло всегда ясное чело Иваси; ласки мачихи и отчима не утѣшали его, не спокоили; между нимъ и ими встала и выросла, ледяной стѣной, какая–то неприступная грань, семейное счастье его рушилось.

Положеніе это день ото дня становилось для Иваси нестерпимѣе; можетъ быть ему

также стыдно было передъ ничтожнымъ человѣкомъ, каковъ былъ нашъ корнетъ– поэтъ, что не можетъ располагать по волѣ добромъ своимъ — словомъ, Ивася пришелъ въ одно утро къ отчиму своему и сталъ проситься куда нибудь въ путь. Отчимъ сначала было немножко позамялся, полагая, что Ивася хочетъ ѣхать за границу, а на это опять понадобилось бы много денегъ; но когда этотъ сказалъ положительно, что, до времени, хочетъ только оглянуться не много на родинѣ своей, которая для него гораздо занимательнѣе заморья — то Бублинскій разсудилъ, что такая поѣздка всего лучше разсѣетъ Ивасю, разгонитъ думу его и заставитъ позабыть, возникшую было непріятность.

И такъ Ивася, оставивъ отчиму примѣрный путевникъ, которому намѣренъ былъ слѣдовать, сѣлъ въ плетеную польскую бричку, легкую и удобную, и покатилъ на первый случай прямо на сѣверъ. Прощаясь съ родителями своими, онъ прослезился; и это была столько же

слеза сыновней любви и привязанности, сколько и слеза душевной скорби и огорченія.

До отъѣзду своего, Ивася еще разъ повидался съ Пушкой и съ Горемыкинымъ. Первому онъ признался во всемъ, откровенно, когда тотъ, положивъ ему руку на плечо и пригвоздивъ его искристыми карими очами своими, сказалъ: «Ивасю, ще ты мене зроду не обманувавъ — а теперечки бачу хочешь видбрехатыся? Чи яжъ тебе выдамъ, абощо? Сидай, та сыпь мини отсюда усю правду!» и указалъ ему на голую, загорѣлую грудь свою. Маіоръ слушалъ расказъ Иваси пристально, кивая только отъ времени до времени молча головою, и сказалъ наконецъ: «Что не дали тебѣ кинуть этой трясогузкѣ десяти тысячъ — это дѣло; а что ты добрался наконецъ самъ до правды — это также къ лучшему; нашему брату, постороннему человѣку, говорить тебѣ объ этомъ не приходилось; а въ лице и въ глаза говорилъ я панству Бублинскимъ часто, что они ходятъ не въ своихъ *кожухахъ*. Какъ быть;

поѣзжай съ Богомъ; а воротишься, живы–здоровы будемъ, передумаемъ и перегадаемъ, что и какъ ладить.»

Горемыкину Ивася оставилъ въ полное распоряженіе хорошій подборъ книгъ на 3–хъ или на 4–хъ языкахъ, и увезъ отъ него въ дорогу — признаніе, о которомъ скажемъ нѣколько словъ послѣ. Теперь еще надобно сказать, чѣмъ кончилось дѣло въ Шпиговкѣ.

Степанъ Власовичъ, получивъ ясное, откровенное и благородное письмо Иваси и поговоривъ съ нимъ еще лично, велѣлъ въ тужъ минуту заложить чубараго въ струментъ свой, отправился въ Шпиговку, сыпалъ на пути проклятія вправо и влѣво и заставъ у Бабачковъ Ирину Титовну съ приборомъ, пропѣлъ всѣмъ имъ такую пѣсню, что онѣ чай долго еще крестились да отмаливались. «Чому васъ — сказалъ онъ имъ между прочимъ — чому васъ, та жидывъ, та цыганивъ(*) мылують, не беруть на службу царску? пралы та пралыбъ сорочки на солдатывъ, хочь бы не

(*) Въ тѣ поры съ жидовъ еще не брали рекрутъ, а цыгане шатались никуда не приписанные и повинностей никакихъ не несли.

дармо хлибъ илы, та й не сталобъ тоди у васъ часу, на таке паскудне дило!» Потомъ маіоръ отыскалъ крестницу свою, Мелашу, взялъ ее за руку, вывелъ въ комнату гдѣ не было постороннихъ, поцѣловалъ ее, перекрестилъ и заговорилъ такимъ отеческимъ языкомъ, какого она еще отроду дома не слыхивала. Обвивъ руки свои вкругъ шеи почтеннаго, сѣдаго маіора, она залилась слезами, но вскорѣ оправилась опять и сказала простодушно, съ чувствомъ и благородствомъ: «Батюшка, выслушайте меня — вы меня поймете! Что было у меня здѣсь, на сердцѣ, того не зналъ и не могъ узнать никто; а что думали и говорили за меня другіе, въ томъ я ли виновата?» Степанъ Власовичъ точно понялъ отвѣтъ этотъ и снова поцѣловалъ Мелашу и снова ее перекрестилъ.

Горемыкинъ, когда вся развязка эта дѣялась и творилась передъ глазами его, словно снова головою изподъ воды вынырнулъ, да снова увидѣлъ передъ собою Божій свѣтъ, снова прозрѣлъ да услышалъ. Онъ давно уже любилъ Мелашу,

но вдвойнѣ безнадежно: во первыхъ, никогда не ожидалъ взаимности; а во вторыхъ, и во снѣ не смѣлъ увидѣть, чтобы Степанида Ѳоминишна согласилась на этотъ бракъ. Евстратъ Богдановичъ почиталъ чувство свое какимъ–то святотатствомъ, запряталъ его на самый исподъ, въ темный уголокъ своего сердца и пугался одной мысли, что оно кѣмъ нибудь можетъ быть тамъ открыто, что его могутъ вытащить оттуда на свѣтъ, на общее позорище. При всемъ томъ однакоже, неожиданное открытіе, что Ивася вовсе ему не угрожаетъ соперничествомъ, его както обрадовало и ободрило, хотя и трудно объяснить, почему? отношенія его отъ этого не измѣнились, надежды не прибавилось ни на волосъ. Когда же Ивася послалъ, передъ отъѣздомъ своимъ, въ воскресный день, линейку свою за Горемыкинымъ и оба, бесѣдовали другъ съ другомъ откровенно и безъ свидѣтелей о прошедшемъ, о будущемъ и настоящемъ, то Евстрату тайна приступила къ глоткѣ и чуть его не задушила: онъ покаялся Ивасѣ во всемъ, въ

такихъ выраженіяхъ, въ какихъ говорятъ о какомъ нибудь бѣдствіи, противу котораго нѣтъ на землѣ ни зелья, ни снадобья, а говорятъ объ немъ только, что бы облегчить душу свою.

Но мы и забыли было Степаниду Ѳоминишну: она сначала охала, ахала, кричала, во всемъ винила Сергѣя Сергѣевича, привязала по куску соленаго огурца къ вискамъ — отъ головной боли — такъ она тужила по бѣдной, обманутой дочери — но когда маіоръ побывалъ въ Шпиговкѣ, успокоилъ дочь и усовѣстилъ мать, и объявилъ все дѣло сплетней самаго дурнаго разбора, то Степанида Ѳоминишна выздоровѣла, замолкла, сняла огурцы и повязку и стала мотаться, по прежнему, въ хозяйствѣ. Часть скорби и досады своей, вымѣстила она на дворнѣ. Сергѣй Сергѣевичъ во все время игралъ въ молчанки, тяжело вздыхалъ, изрѣдко покушался на какія–то увѣщеванія и представленія, которыхъ никто не слышалъ и не слушалъ.

—

Ивася очень хорошо чувствовалъ, что ему необходимо было соединить съ прогулкою своею какую нибудь цѣль, намѣреніе, что ѣхать только поглазѣть на Божій свѣтъ нельзя; на это не стало бы, думаю, ни одного мыслящаго человѣка, а всего менѣе нашего Иваси. И такъ, онъ задалъ себѣ вотъ какую задачу:

1. Собирать по пути всѣ названія мѣстныхъ урочищъ, распрашивать о памятникахъ, преданіяхъ и повѣрьяхъ съ ними соединенныхъ — съ тѣмъ, чтобы примѣнить это впослѣдствіи къ бытописанію Россіи, которое необходимо должно во многихъ случаяхъ поясниться этими памятниками старины.

2. Разузнавать и собирать, гдѣ только можно, народные обычаи, повѣрья, суевѣрья, пѣсни, сказки, пословицы, поговорки и все что принадлежитъ къ этому разряду, и все это тщательно записывать.

3. Вносить въ памятную книжку свою всѣ народныя слова, выраженія, рѣченія, обороты языка и нарѣчій его, общія и

мѣстныя, но не употребительныя досѣле въ такъ называемомъ образованномъ нашемъ языкѣ и слогѣ.

Послѣдняя статья, въ глазахъ многихъ вѣроятно пустѣйшая изъ всѣхъ, для насъ съ Ивасей была самою главною и важною. Мнѣнія и понятія нашего объ этомъ предметѣ въ нѣсколькихъ строкахъ изложить трудно, а пространное разсужденіе было бы здѣсь не у мѣста; но оно, вкратцѣ, состояло бы въ слѣдующемъ: — образованность и просвѣщеніе разлилось по нашему отечеству быстрымъ, горнымъ потокомъ, не ниспадало исподволь дождемъ и росою. То, что люди, цѣлыя поколѣнія, всасывали, капля по каплѣ, изъ сосцовъ матернихъ вмѣстѣ съ молокомъ, мы похлебали ложками да выпили залпомъ ендовами. Языкъ, который преобразовывается только вѣками, за этимъ быстрымъ переворотомъ не успѣлъ, отсталъ; а между тѣмъ надо было выразить все то, что вновь наводнило сердце и душу, нравственныя и умственныя силы наши. Вотъ почему стали мы по

неволѣ говорить и писать не по русски, какъ и по нынѣ пишемъ мы съ вами, мой почтенный читатель. Пенять за это на насъ нельзя; на нѣтъ и суда нѣтъ. Не однѣ слова, выраженія, нѣтъ, цѣлые обороты, по духу своему не свойственные нашему языку, переносились цѣликомъ изъ другихъ языковъ, слишкомъ удаленныхъ, по свойству своему, отъ нашего; вышла безцвѣтная и безвкусная смѣсь, которая все еще не могла достигнуть образцовъ своихъ, языковъ Европейскихъ — и конечно никогда не достигнетъ — и также далеко отстала отъ нашего языка природнаго. Да, языкъ этотъ не гнется въ заморскую дугу, и мы его ломаемъ; что противно духу языка, того онъ себѣ усвоить не можетъ; онъ долженъ перебродить самъ въ себѣ, на своихъ дрожжахъ, выработаться изъ себя, самостоятельно; тогда изъ него образуется языкъ сильный, могучій, богатый, всеобъемлющій: таковы начало, корень и запасы его. На вопросъ: откуда и гдѣ же намъ послѣ всего этого учиться Русскому языку, отвѣтъ слѣдуетъ самъ собою изъ

предыдущаго: учиться надо ему тамъ, гдѣ онъ еще не искаженъ, не перелицованъ на изнанку, не изнѣмѣчился, то есть: въ народѣ. Кто захохочетъ при этомъ и скажетъ: «онъ съ Ивасею хочетъ заставить насъ говорить Костромскимъ или Галицкимъ напѣвомъ, нарѣчіемъ Пермяковъ или низовыхъ бурлаковъ» — тотъ насъ не понимаетъ и грѣшитъ, выдавая свои затѣи за наши. *Духу* нашего языка надобно учиться нынѣ у Костромскаго, Ярославскаго и вообще у всякаго Русскаго крестьянина, вообще у простолюдина, потому что этому изъ книгъ нашихъ научиться нельзя; но языкъ, который вслѣдствіе подобныхъ изысканій выработается со временемъ изъ такихъ началъ, будетъ не мужичій языкъ, а Русскій образованный языкъ, котораго доселѣ еще у насъ нѣтъ.

Такимъ образомъ находимъ мы напримѣръ въ записной книжкѣ Иваси, вмѣсто: «казакъ осѣдлалъ лошадь свою какъ можно поспѣшнѣе, посадилъ товарища своего, у котораго не было коня, къ себѣ на

крупъ и слѣдовалъ за непріятелемъ, имѣя его постоянно въ виду, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ на него кинуться» — вмѣсто этого, пиши и говори: «казакъ сѣдлалъ уторопь, посадилъ безконнаго товарища на за бедры, слѣдилъ непріятеля въ назерку, чтобы при спопутности на него ударить.» Въ записной книжкѣ Иваси — возмемъ еще для примѣра нѣсколько словъ — находимъ мы между прочимъ: *обсылаться* подарками — *обознаться* въ комъ нибудь — *опознать* вещь или человѣка и *опознаться* на мѣстѣ (послѣднее въ особенности хорошо вмѣсто оріентироваться) — *пронять* ухо сергой — притти *на побывку* — *наслушивать* сѣть рукою — сидѣть *на слуху* — овражки *заиграли* — поползень — зарница — марево и пр.

Вотъ за чѣмъ Ивася, отъ нечего дѣлать, поѣхалъ, вотъ на что обращалъ все вниманіе свое, и потому деревни и села занимали его гораздо болѣе, чѣмъ губернскіе наши города, которые осмотрѣны уже многими, кругомъ и со

всѣхъ сторонъ, между тѣмъ какъ то, за что взялся нашъ путникъ, былъ еще почти не початой родникъ, или рудникъ, какъ угодно. Ивася напередъ всего хотѣлъ узнать отечество свое, съ послѣдней и съ низшей ступени его, съ основанія, а потому изучалъ вмѣстѣ съ памятниками и языкомъ, и самый народъ нашъ: нравы его, обычаи, свойства, наклонности, способности, духъ, мысли, все. Онъ ѣхалъ медленно, большею частію на долгихъ или протяжныхъ, выбиралъ по распросамъ и разнымъ примѣтамъ ночлеги свои и роздыхи — братался съ крестьянами, наводилъ ихъ то на то, то на другое, заставлялъ баить, гуторить и балагурить, потому что этимъ только, окольнымъ, путемъ, можно вывѣдать изъ нашего крестьянина то, что нужно было Ивасѣ; прямыми же распросами, у нихъ никогда и ни до чего не добьешься. Примѣты по коимъ Ивася отыскивалъ иногда очень удачно людей такого покрою, какъ они ему были нужны, довольно странны; разъ, напримѣръ, онъ увидѣлъ въ одномъ селѣ, презатѣйливаго

пѣтушка на щипцѣ и прехитрой рѣзьбы кровельныя полотенца; доспросившись мужика плотника, который ихъ работалъ, Ивася нашелъ для себя въ этомъ человѣкѣ кладъ и пробылъ у него нѣсколько дней.

Такимъ образомъ Ивася заѣхалъ, шагъ за шагомъ, уже довольно далеко на сѣверовостокъ отъ родины своей, а именно въ средину Оренбургской губерніи и собирался все еще далѣе когда нашелъ въ Шешминскомъ Фельдшанцѣ бѣлоголоваго старика, солдатскаго малолѣтка Егора Кондратьева Арзамасова. Довольно странно видѣть тутъ цѣлыя селенія *малолѣтковъ*, у которыхъ не только есть дѣти, но иногда внуки и правнуки; и отцы и дѣды по видимому на всегда остаются здѣсь въ малолѣтствѣ. Люди эти поселены были въ свое время, при основаніи Закамской линіи, полками; солдатскія дѣти, подъ именемъ малолѣтковъ, оставлены на тѣхъ же мѣстахъ, избавлены отъ всѣхъ повинностей и живутъ понынѣ съ потомками своими на тѣхъ же правахъ и подъ тѣмъ же именемъ. И такъ, возвращаемся къ Егору

Арзамасову: этотъ замѣчательный старикъ зналъ и помнилъ все, что дѣлалось въ томъ краю, покрайней мѣрѣ въ теченіе 50–ти лѣтъ. Кромѣ того, онъ складно разсказывалъ, вытвердивъ ихъ на изустъ, множество сказокъ, думъ и былей. Всего лучше показалась Ивасѣ быль, о взятіи царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ Казани. Мы выпишемъ здѣсь быль эту, какъ потому, что она этого стоитъ, по себѣ, такъ и потому, что она собственно задержала Ивасю на послѣдяхъ въ Шешминскомъ и была причиною немаловажнаго для всей жизни его, Иваси, приключенія.

—

БЫЛЬ, О ВЗЯТІИ ЦАРЕМЪ ИВАНОМЪ ВАСИЛЬЕВИЧЕМЪ ГРОЗНЫМЪ КАЗАНИ.(*)

Когда Царь Иванъ Васильевичъ подступилъ подъ городъ Казань, то стоялъ онъ подъ городомъ подъ Казанью ровно три года; а городъ держалъ Эмей съ

(*) Списана отъ слова до слова съ народнаго, изустнаго преданія.

волшебницей, да правилъ городомъ Царь Семенъ невѣрный. И эти орудія пушки были у Царя Грознаго заговорены волшебницей; а онъ Божьей волей умудрился, Царь Иванъ Васильевичъ, подкопъ подвести, отъ города за семь верстъ. И велъ онъ подкопъ этотъ подъ Казанкой рѣкой и подрылся подъ самый нутреной кремль, и приказалъ онъ на бочкахъ этихъ затеплить свѣчи, и въ станѣ своемъ на вольномъ вѣтру свѣчи, и дойти огню отъ этихъ свѣчей до пороху, и разорвалъ бы онъ кремль–этъ внутренній. На вѣтру свѣчи потеплились — нутреной городъ не начинаетъ рвать. Грозенъ былъ въ та–поры Царь Иванъ Васильевичъ; закричалъ своимъ ярымъ голосомъ: подайте Мамлюту Темрюкова, молодаго палача! Возьми ты, Мамлюта, канонера главнаго, сыми ты съ него буйну голову, по самыя по могучія плечи, за измѣну за его великую. Выводитъ его Мамлюта Темрюковъ сынъ, хочетъ съ него снять напрочь буйну голову по самыя по могучія плеча; и возговоритъ тотъ канонеръ главнѣйшій: Батюшка нашъ

Царь, грозный человѣкъ! не прикажи казнить, погоди въ часу хоть съ минуточку, прикажи мнѣ рѣчь говорить: на вѣтру свѣчи скоро теплятся, подземельны свѣчи помаленьку горятъ! Не успѣлъ кононеръ слово молвити, и взорвало самый городъ внутренній. Поздравляетъ его царь Семенъ, Царя Ивана Васильевича, съ городомъ, выноситъ ему на блюдѣ золотомъ ключи, и отъ кремля того и отъ города: вотъ тебѣ Царь, Иванъ Васильевичъ, городъ мой, а за нимъ вся тебѣ Азія!....

— То есть Башкирь, прибавилъ отъ себя Арзамасовъ и сталъ расказывать дальше и дальше, о заселеніи Закамской линіи, о древнихъ болгарскихъ укрѣпленіяхъ, по этой же линіи, отъ коихъ и понынѣ остались потайные подземные спуски къ водѣ, тамъ о Емелькѣ Пугачѣ, и прочее.

Ивася совсѣмъ собрался было въ путь и лошади были уже заложены, когда Арзамасовъ вспомнилъ еще пѣсню о взятіи Казани; Ивася сталъ записывать ее, сталъ и снова распрашивать старика еще кой о чемъ и это было поводомъ тому, что путникъ

нашъ замѣшкался, расчелъ, что уже лучше здѣсь позавтракать, велѣлъ подать себѣ молока, яицъ и такимъ образомъ выѣхалъ часами тремя позже, чѣмъ было собрался и уложился.

Не успѣлъ онъ отъѣхать отъ Шешминскаго десяти верстъ, какъ вдругъ увидѣлъ по дорогѣ дымъ и наѣхалъ на пожаръ особеннаго роду: не домъ горѣлъ и не изба, а дорожная повозка, карандасъ на долгихъ дрогахъ, отъ котораго уже отступились, какъ видно, и самъ хозяинъ, стоявшій преспокойно подлѣ, и ямщикъ, державшій отложенныхъ лошадей въ поводу. Ивася остановился, чтобы подать помощь, но уже было поздно; пламя, отъ загорѣвшейся оси и колеса, обхватило всю повозку. Ивася предложилъ проѣзжему, котораго станъ, ростъ и черты лица напоминали ему разительно стараго друга, Степана Власовича, мѣсто въ бричкѣ своей и проѣзжій, нашедши въ незнакомомъ къ величайшей радости своей человѣка, съ которымъ могъ говорить на природномъ своемъ языкѣ, безъ всякихъ обиняковъ

пожалъ ему руку, кинулъ чемоданчикъ свой, плащъ и подушку въ бричку Иваси и новые товарищи и попутчики поскакали.

Ивася теперь ѣхалъ съ англичаниномъ Давидсономъ, управлявшимъ въ то время однимъ изъ значительнѣйшихъ частныхъ горныхъ заводовъ Уральскаго хребта. Давидсонъ ѣздилъ куда–то по заводскимъ дѣламъ, а узнавъ, что у Иваси нѣтъ опредѣленнаго пути и цѣли, просилъ его убѣдительно заѣхать вмѣстѣ на заводъ и посѣтить радушное семейство обрусѣлаго англичанина, какъ самъ Давидсонъ при этомъ случаѣ выразился. Коли вы ужъ заѣхали въ концесвѣтный край нашъ, продолжалъ Давидсонъ, то вамъ надобно посмотрѣть вблизи и на горное заводское производство наше, это вещь любопытная. Первое, что я вамъ покажу у себя, это выдѣлку изъ чугуна, желѣза: у насъ вообще поду даютъ слишкомъ большой наклонъ, отчего, правда, гари или шлаку бываетъ меньше, а желѣза больше — но оно выходитъ дурное, хрупкое, такъ что не рѣдко ломается при самой укладкѣ его на

барки. У меня этого нѣтъ: я вамъ покажу, какое у меня желѣзо! Его и въ Нижнемъ уже знаютъ, оно и тамъ семнадцатью копѣйками дороже, противъ всякаго другаго. Вы спросите только кочердыцкое желѣзо: вамъ скажетъ всякій, что оно лучшее. Вы найдете также что мѣха на всѣхъ частныхъ заводахъ — исключая нашъ — устроены дурно, въ чемъ убѣдитесь, если взгляните только на нихъ: воды много, но въ ней, по дурному устройству мѣховъ, всегдашній недостатокъ; у насъ вообще не умѣютъ сберегать дѣйствующую силу. По этому вы замѣтите также, что машинъ вообще мало, все работается еще руками. Отъ этого утрата времени, силъ, меньшее производство и дороговизна работъ. А отчего это? Всему одна причина: безрасчетная жадность къ немедленной прибыли; или, какъ выражаются обыкновенно, недостатокъ денегъ. Мы хозяйничаемъ, изволите видѣть, будто заводу стоять только до будущаго году; нѣтъ, сударь, заводъ дѣло вѣковое; онъ

долженъ стоять и улучшаться съ вѣку на вѣкъ, до самаго свѣтопреставленія; вотъ какъ должно смотрѣть на горный заводъ!

Не говоря уже о томъ, что все это было для Иваси чрезвычайно любопытно, Давидсонъ привлекалъ его къ себѣ какъ наружностію своею, живо напоминавшею ему стараго почтеннаго друга, маіора, такъ и прямодушнымъ сердечнымъ обращеніемъ и страстною любовью къ своему искуству. Въ самомъ дѣлѣ, какъ пріятно видѣть человѣка, который знаетъ дѣло свое и преданъ ему душой и тѣломъ!

Въ три дня, Ивася обжился со всѣмъ семействомъ Давидсона, былъ у него дома, свой, и когда вникъ и вошелъ свѣтлымъ умомъ своимъ во всѣ части заводскаго производства, то передъ нимъ открылся, въ полномъ смыслѣ слова, новый міръ. Эта совершенно новая для Иваси отрасль промышленности нашей, одна изъ важнѣйшихъ въ имперіи, заняла и увлекла его не менѣе какъ и — голубоокая Молли, старшая дочь Давидсона. И не пеняйте ему за это, одно другаго стоило, покрайней

мѣрѣ въ извѣстномъ смыслѣ: тамъ, на заводѣ Давидсона, всюду видна была одна только польза, цѣль, расчетъ, прибытокъ; здѣсь, въ дочери его, все было изящество, начиная отъ густой и длинной, темной косы, обвитой вкругъ черепаховаго гребня, и до живой прозрачности ноготковъ и изящно отлитой или изваянной ножки. Тамъ изумляла и поражала наблюдателя эта исполинская дѣятельность, кипучая жизнь, холодная, расчитанная, однообразная, но въ огромныхъ размѣрахъ — здѣсь, подъ легкой, наружной оболочкой свѣтскаго приличія, скромности и *англійской* спокойной разсудительности кипѣла умная и роскошная игра чувствъ и мыслей, которымъ Ивася, занимаясь теперь прилежно изученіемъ царства ископаемаго, далъ всѣ имена и названія драгоцѣнныхъ камней нашего Урала; а потомъ, сравнилъ весь подборъ этотъ съ неоцѣненнымъ калейдоскопомъ, который можно оборачивать, перебивая положеніе камней, цѣлый вѣкъ, и всегда глазъ будетъ пріятно изумленъ нечаянностію вѣчно новаго

цвѣтка, узора или звѣздочки, состоящихъ однакоже въ сущности все изъ однѣхъ и тѣхъ же основныхъ самоцвѣтныхъ и драгоцѣнныхъ камней.

Порядокъ и устройство въ домѣ Давидсона представлялъ туже паровую машину въ маломъ видѣ, тотъ же заводъ, заведенные часы. Каждый въ домѣ, начиная отъ самого хозяина и до судомойки, знали свое дѣло, и каждый занимался своимъ. Вставали въ опредѣленный часъ, сходились за огромный самоваръ, расходились и принимались за дѣло, опять сходились, по бою часовъ, къ завтраку, опять отправлялись по мѣстамъ, и въ положенное время каждый стоялъ уже за стуломъ своимъ, ожидая, чтобы отецъ прочелъ вслухъ краткую молитву; — отобѣдавъ, всѣ снова принимались за работу и уже за вечернимъ самоваромъ, вкругъ котораго разставлены были блюда и тарелки съ холоднымъ жаркимъ, солониной, ветчиной, сыромъ, масломъ, яйцами въ смятку — начинали жить для себя, отдыхать отъ дневныхъ трудовъ въ

семейномъ кругѣ. Дѣтей умывали и одѣвали раза по четыре на день, въ положенное время; утромъ бѣгали они въ какихъ–то парусинныхъ чехлахъ, которые каждый день перемѣнялись, а къ обѣду выходили въ опрятныхъ курточкахъ, которые послѣ обѣда опять смѣнялись другими — къ чаю опять всѣхъ умывали и переодѣвали. Старшіе сыновья занимались уже по заводу, въ двоякомъ смыслѣ: вопервыхъ, они помогали отцу присматривать тамъ, гдѣ просто нуженъ былъ глазъ; а потомъ они изучали по одиначкѣ всѣ части горно–заводскаго производства, для чего и поступали въ науку по очередно ко всѣмъ мастерамъ отдѣльныхъ частей. Дочери раздѣлили между собою все хозяйство и чередовались въ занятіяхъ своихъ, такъ, что поперемѣнно присматривали за столомъ, за бѣльемъ, за дѣтьми, за чистотою въ домѣ, за кухней; матери оставался только одинъ общій надзоръ и распорядокъ. Ивася любовался каждый день этой картиной, когда утреннія работы наставали и каждая изъ дочерей, до

третьей, двѣнадцатилѣтней, приходили докладывать матери о состояніи и благополучіи ввѣренныхъ имъ частей и принять на сегоднишній день приказанія. Прислуги было въ домѣ очень не много, но всѣ успѣвали, потому что никто ихъ не сбивалъ, никто не мѣшалъ, не отрывалъ отъ дѣла и каждый зналъ опредѣлительно, что и въ какое время ему надо было сдѣлать. Сколько разъ въ недѣлю выгребать изъ камелька золу, сколько разъ и когда, въ какіе дни, выколачивать круга, половики, ковры, когда чистить въ цѣломъ домѣ мѣдь и бронзу, на все это было точное и подробное положеніе, по которому, въ теченіе 23 хъ лѣтъ, — столько Давидсонъ былъ уже на своемъ мѣстѣ — не было сдѣлано ни измѣненій, ни дополненій; по неволѣ всѣ къ нему привыкли и все шло какъ по часамъ. Кухня у Елисаветы Самойловны, жены Давидсона, была безъ всякаго сравненія чище и опрятнѣе моей и вашей гостинной; и ваша гостинная, вѣроятно, какъ и моя, моются по разу въ недѣлю, по субботамъ; а тутъ все, полки,

столы, шкафы, лавки, полъ — о посудѣ я уже не говорю — мылась и скреблась каждый Божій день. Все это дѣлалось въ полчаса, потому что не давали грязи наростать и накопляться. Я васъ увѣряю, что тотъ, кто не видалъ англійской кухни, не можетъ себѣ вообразить и представить, до какой степени она бываетъ въ порядкѣ, чиста и опрятна. Это не голландская стряпная, гдѣ вы найдете конечно не менѣе опрятности, но гдѣ господствуетъ какая–то неумѣстная изысканность и причудливое, безполезное убранство; здѣсь все просто, но все на своемъ мѣстѣ, все устроено для практической пользы, не для одного виду, а для дѣйствительнаго употребленія. Одно только немножко не понравилось Ивасѣ въ домѣ Давидсона, или сдѣлало на него както непріятное впечатлѣніе: это — не смѣю сказать ханжество, а преувеличенная набожность, какая–то изысканная, тягостная строгость, съ которою праздновали въ домѣ Давидсона воскресеніе. Ивасѣ казалось, что строгость эта была вовсе не въ духѣ христіанства и

что ее можнобы было назвать пустосвятствомъ, еслибы она не проистекала отъ чистаго сердца. Молли, напримѣръ, ни подъ какимъ видомъ не подходила въ воскресенье къ фортепіанамъ своимъ и ни за что на свѣтѣ не взяла бы въ этотъ день въ руки какую либо работу, или книжку не духовнаго содержанія. Но — подумалъ про себя Ивася — она бы конечно оставила предразсудокъ этотъ, еслибы она была моею и я бы убѣдилъ ее въ пустосвятствѣ такихъ ни съ чемъ несообразныхъ правилъ.... и подумавъ это, самъ испугался такой странной и дерзкой мысли ни къ селу ни къ городу, къ которой, какъ ему самому казалось, не было ни малѣйшаго поводу.

Такимъ образомъ Ивася прожилъ довольно долго, мѣсяца два, и не замѣтилъ какъ время у Давидсона въ домѣ улетало. Старикъ, полюбившій пытливый, острый умъ его, понятливость, познанія, легкость съ которою онъ усвоивалъ себѣ все что ни видѣлъ и горячность, съ которою онъ принялся за изученіе совершенно новой для

него части — Давидсонъ, говорю, удерживалъ Ивасю, уговаривалъ его остаться, а Ивася не видѣлъ куда и за чѣмъ ему торопиться, а говорилъ, какъ одинъ извѣстный почтенный человѣкъ про знаменитый садъ свой: «За чѣмъ далеко, и здѣсь хорошо,» тѣмъ болѣе, что въ Тобольской, Томской и Иркутской губерніяхъ нѣтъ конечно другой Молли — и назади, въ Симбирской, Тамбовской, Нижегородской, также нѣтъ; тамъ Ивася уже побывалъ, оттуда пріѣхалъ и не видалъ тамъ ничего подобнаго.

Наконецъ одинъ изъ приказчиковъ, ѣздившій по дѣламъ заводскимъ въ Екатеринбургъ, привезъ Ивасѣ извѣстіе, что тамъ на его имя лежитъ на почтѣ страховое письмо и давненько уже его ожидаетъ. На письмѣ написано: «оставить на почтѣ, и въ собственныя руки.» Ивася встревожился, вспомнилъ, что по оставленному у отчима путевнику, давно уже долженъ бы проѣхать Екатеринбургъ; сообразилъ, что страховое письмо непремѣнно должно содержать какую

нибудь особенно важную вѣсть, потому что получалъ во весь путь письма не страховыя, — и хотѣлъ сей часъ же скакать въ Екатеринбургъ. Но Давидсонъ, распросивши толкомъ въ чемъ дѣло, сказалъ съ обычною разсудительностію и положительностію своею: постойте, Міэter Fedoroff — такъ онъ звалъ Ивасю — постойте, это вздоръ: если письмо содержитъ извѣстіе, по которому вы должны ѣхать домой, то вамъ не зачѣмъ скакать теперь 300 верстъ впередъ, дальше отъ дому; если же извѣстіе не такого роду, то вы также спокойно можете остаться здѣсь, у насъ, и выждать покуда вамъ его привезутъ. Времени вы не потеряете, потому что я завтра же долженъ опять послать въ Екатеринбургъ нарочнаго; вы дадите ему довѣренность, на имя знакомаго мнѣ горнаго офицера, заводскій исправникъ нашъ скрѣпитъ свидѣтельство — мы съ исправникомъ въ большой дружбѣ — но для вящаго укрѣпленія дружбы нашей, мы пошлемъ ему Голландскій сыръ, который здѣсь въ рѣдкость; Бетси, продолжалъ онъ,

обратившись къ женѣ, послать исправнику четверть сыра и просить его — не сыръ то есть, а исправника — ко мнѣ — и дѣло будетъ въ шапкѣ.

На четвертый день нарочный воротился и привезъ Ивасѣ письмо. Печать была красная; но содержаніе его до того потрясло и поразило Ивасю, что онъ мгновенно измѣнился въ лицѣ, которое выражало что–то думное и тревожное. Въ чертахъ около губъ не видно было глубокой горести, скорби, но черты эти выражали, что Ивася тронутъ, что ему больно; а глаза, лобъ и брови показывали какое–то безпокойство, какое–то постоянное изумленіе.

Ивася просидѣлъ довольно долго одинъ, или проходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; наконецъ вошелъ къ нему, постучавшись напередъ въ двери и выждавъ позволенія: come in! старикъ Давидсонъ, которому сказали, что письмо Ивасю крѣпко встревожило. Разговоръ ихъ мы не слышали, но онъ длился болѣе часу; Ивася читалъ новому другу своему и роковое

письмо, говорилъ во все время съ большимъ одушевленіемъ, нѣсколько разъ останавливаясь, закусывалъ нижнюю губу и она иногда не много дрожала. Въ тотъ же самый день, Ивася сѣлъ и поскакалъ домой, ѣхалъ все на почтовыхъ и гналъ сколько могъ. Прощаясь съ нимъ, Давидсонъ пожалъ и тряхнулъ ему руку и сказалъ повидимому не шутя: «Я съ вами не прощаюсь, мы еще увидимся; вы будете славный заводчикъ, рѣшитесь только покинуть безтолковое хозяйство ваше, эти скучные урожаи и не урожаи; да привозите къ намъ чистыя деньги. Если здѣсь начать дѣло только съ двумя стами тысячъ, но пять, шесть лѣтъ не спрашивать доходу — то на седьмой, вы получите 30, 40 а тамъ можетъ быть и до 80 т. годоваго доходу. Вы, я знаю, не будете хозяйничать какъ сосѣдъ нашъ, который также честитъ себя званіемъ заводчика: посмотрите, управляющій нажегъ ему три горы Араратскихъ уголья, а работа стоитъ; почему? Да нѣтъ денегъ на уплату извоза, за доставку руды!!! а? каково это? How do

you like it? Знаете ли Міэter Fedoroff, что на Уралѣ Оренбургскомъ изъ числа 1866 частныхъ рудниковъ, разработываются не болѣе 93–хъ! Есть сударь заводы, которые не въ состояніи отпускать крестьянамъ бѣдную задѣльную плату деньгами, а производятъ ее заводскими издѣліями — легко расчесть, сколько тутъ бѣдному мужику хлопотъ и сколько убытку! куда онъ повезетъ продавать изъ глуши своей полпуда штыковой мѣди или три пуда полосоваго желѣза? Знаете ли, что я засталъ въ заводской конторѣ своей только два рода предписаній отъ прежнихъ владѣльцевъ — богачей, какъ увѣряли, милліонщиковъ — 1–е. Высылать въ Москву всю выручку сполна, а заводскіе расходы прикрывать хозяйственными средствами; 2–е. Строго наблюдать, чтобы съ крестьянъ новоженцовъ, по старому обычаю, собиралось по 10 рублей и по шитому полотенцу!!! Я не шучу, Міэter Fedoroff, я могу вамъ показать это, цѣлый возъ такихъ предписаній и все за номеромъ и собственноручною подписью заводчика.

—

Въ Варшавѣ, неподалеку извѣстнаго памятника Копернику, стоящаго на довольно тѣсномъ мѣстѣ, подлѣ выдавшагося острымъ клиномъ квартала, неподалеку отсюда былъ когда–то Палацъ пана Грабія Кочатковскаго, по Русски: дворецъ графа Пѣтушинскаго. Тутъ же, подлѣ, была и знаменитая въ свое время *Кавеарня*, кофейная, въ которой, во время отечественной войны нашей, бывало безвыходно толпились Русскіе офицеры всѣхъ полковъ и мундировъ. Тутъ же жилъ, коли помните, знаменитый грамматикъ Польскій, который, сказываютъ, далъ однажды продавцу, разносчику глиняной посуды полъ–злотаго, чтобы тотъ не кричалъ: *гарнкувъ, рынкувъ*! потому что это не правильно; а чтобы кричалъ: *гарнкувъ, рынекъ*! а потомъ погнался на всю улицу за разносчикомъ съ палкой, когда тотъ, поглядѣвъ на грамматика, какъ на какого нибудь полуумнаго и отошедши отъ него шаговъ за сотню, началъ опять, по старой

привычкѣ, возглашать во все горло: гарнкувъ, рынкувъ! Въ помянутой знаменитой кавеарнѣ, вывѣшивали по средамъ и по субботамъ цвѣтной, бумажный, огромный фонарь, на которомъ было написано буквами свитыми изъ розъ и незабудокъ, *пршіяцельски баликъ*, или: *баликъ для пршіяцели*. Здѣсь толпился бывало сбродъ мущинъ, въ грязныхъ сапогахъ, въ плащахъ и шинеляхъ, поднявъ еще стоячій воротникъ и закутывая лице, между тѣмъ какъ музыка гремѣла и очень нарядныя на взглядъ и ловкія дамы, сидѣли по диванамъ или отхватывали съ отчаянными уланами и усачами мазурку.

И такъ, тутъ стоялъ дворецъ графа Кочатковскаго. Графа давно уже не было на свѣтѣ, а графиня лежала теперь на смертномъ одрѣ. Улица передъ дворцомъ была устлана соломой; ксендзы, Доминиканы, Бернардины, Базиліанцы — цѣлый сонмъ врачей, множество офиціантовъ, нѣсколько дѣловыхъ людей, толпились въ передней и залѣ, между тѣмъ какъ во внутреннихъ покояхъ было

нѣсколько знатныхъ барынь и ближнихъ родственниковъ умирающей. Наконецъ графиня дрожащимъ голосомъ просила всѣхъ вытти, потребовала къ себѣ трехъ монаховъ по именно, и въ томъ числѣ пріора или настоятеля, отдала имъ своеручно запечатанное пятью печатями письмо, на имя графа Базыля Кочатковскаго, сказала гдѣ его искать и отказала монастырю значительную сумму, съ тѣмъ, чтобы настоятель обязался доставить письмо это въ собственныя руки графа. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого во дворцѣ графини все было тихо, мертво и пусто, потому что она сама перебралась уже изъ суетнаго, великолѣпнаго жилья своего въ одинокую и тѣсную земляночку, въ которую, какъ въ ловушку, есть только входъ, а выхода нѣтъ.

Бублинскій былъ увѣдомленъ обыкновеннымъ порядкомъ, черезъ губернское начальство, что скончавшаяся въ Варшавѣ графиня Юзефа Кочатковская, представила передъ смертію законныя доказательства на то, что у нее былъ, отъ

покойнаго графа, сынъ Базыль, Василій, который оставленъ ею по тогдашнимъ смутамъ и переворотамъ Польши въ Россіи и именно въ такой–то губерніи или намѣстничествѣ, у помѣщика Игнатія Бублинскаго; что часть отцевскаго наслѣдія передана была впослѣдствіи опекуну и воспитателю молодаго графа, тому же Бублинскому, часть утрачена навсегда, поступивъ уже со времени смерти стараго графа въ руки дальнѣйшихъ наслѣдниковъ, потому что графъ умеръ въ одиночествѣ, не сдѣлавъ завѣщанія и не объявивъ ничего о сынѣ; а мать его, нынѣ скончавшаяся, установляетъ сына своего Василія полнымъ и единственнымъ наслѣдникомъ, какъ законной доли своей отъ отцевскаго имущества, такъ и собственно ей принадлежавшаго имѣнія.

Почти въ тоже время, или еще нѣсколько прежде, Бублинскій получилъ увѣдомленіе отъ Бернардиновъ, изъ Варшавы, что у нихъ хранится, по видимому важнаго содержанія письмо, на имя молодаго графа; что письмо это, по

волѣ покойной графини, должно быть передано ему изъ рукъ въ руки; почему и просятъ увѣдомить, какое угодно будетъ сдѣлать графу на счетъ письма этого распоряженіе.

И вотъ извѣстіе, которое получилъ Ивася, будучи у Давидсона на заводѣ, извѣстіе которое столько его встревожило. Да и не мудрено; Ивася былъ твердо увѣренъ, что онъ круглый сирота; ему и въ голову не приходило, что онъ, по роду, одинъ изъ первыхъ магнатовъ Польскихъ и еще графъ — но на первый случай всего болѣе занимало, огорчало Ивасю и сокрушало его то, что онъ не зналъ и не видалъ матери своей, тогда какъ могъ бы еще узнать и увидѣть ее, если бы только зналъ обо всемъ во время и поѣхалъ не на заводъ Давидсона, а въ Варшаву. Онъ отправился туда и нынѣ, пробывъ у отчима не болѣе двухъ сутокъ, повидавшись и посовѣтовавшись съ однимъ только старымъ другомъ своимъ — но письма матери своей, которое кинулся отъискивать въ самый день прибытія, не засталъ.

Монахи, тщетно ожидая мѣсяца три отвѣта, потому что Бублинскій не писалъ, ожидая Ивасю, или письмо отъ него, со дня на день — отправили одного Бернардина съ письмомъ этимъ въ Россію, отъискивать молодаго графа: вкладъ графини въ монастырь былъ значителенъ и настоятель считалъ долгомъ исполнить непремѣнно волю усопшей. Случилось такъ, что Ивася съ этимъ посланнымъ разминулся и письма не засталъ.

Бѣдный нашъ Ивася! какая неизъяснимая тоска одолѣла его, когда онъ поселился, до окончанія дѣлъ своихъ въ Варшавѣ, въ огромномъ дворцѣ графовъ Кочатковскихъ, одинъ одинехонекъ, среди нѣсколькихъ десятковъ пышныхъ и обширныхъ покоевъ, которые накрыли его молчаливыми, нѣмыми сводами своими, ограждая его отъ чуждаго, холоднаго свѣта мертвою роскошью росписныхъ и золоченыхъ стѣнъ! Онъ подошелъ въ неизъяснимой тоскѣ къ окну и взглянулъ на площадь: она кипѣла народомъ, посреди коего возвышался на мѣдномъ сѣдалищѣ

своемъ огромный мѣдный Коперникъ, какъ великанъ между пигмеями, держалъ въ неподвижной рукѣ своей изображеніе вселенной и казалось призадумался надъ суетностію и ничтожностію окружающихъ его обитателей одной изъ едва видимыхъ точекъ вселенной этой. Ивася вздохнулъ тяжело; ему сдѣлалось еще грустнѣе. Ни толпа почтительныхъ слугъ и официантовъ, ожидавшихъ ежеминутно повелѣній своего новаго господина, ни цѣлая стая услужливыхъ друзей, родственниковъ и пріятелей всякаго разбора, съ чужими для него лицами и не братской душой, не могли его утѣшить; его одолѣла такая тоска, такая грусть, что онъ невольно вспомнилъ о Кочердыцкомъ заводѣ, среди исполинскихъ горъ, среди вѣковыхъ, дремучихъ лѣсовъ; семейство Давидсона засѣдало тутъ передъ желѣзнымъ росписнымъ Тагильскимъ столикомъ, на которомъ былъ изображенъ цѣлый эпизодъ изъ иліады; Молли разливала чай: Ивасѣ показалось, что въ этомъ кругѣ кого–то недостаетъ и добрый Ивася нашъ самодовольно улыбнулся,

улыбнулся въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ въ Варшавѣ. Потомъ ему стало вдругъ жарко и душно, по кожѣ пробѣжалъ мурашками огонь; онъ сѣлъ на башкирскаго *юрга*, на иноходца, пустился въ широкія заводскія ворота, повернулъ влѣво, пронесся мимо домика управляющаго — поклонился слегка у третьяго окна съ краю, гдѣ виднѣлось бѣлое платье — потомъ пустился дальше, по дорогѣ, покуда Кочердыцкій заводъ ни потонулъ вовсе въ глубинѣ лѣсистой долины — тамъ Ивася поудержалъ ретиваго конька своего, пустилъ его ходою, своротивъ съ дороги опять влѣво — и остановился на одномъ изъ самыхъ высокихъ хребтовъ Средняго Урала. Всѣ хребты, всѣ гребни пролегали, въ дикой однообразности, прямо по полуденнику, отъ сѣвера къ югу; всѣ горы напластованы были подъ 45 градусами; всѣ сопки, всѣ верхи, были голы, обнаженны, и по нимъ выказывалась грядами, гребнями, вывѣтрившаяся темнобураго цвѣту, горнокаменная порода; всѣ склоны поросли сосновыми борами, а вершины ихъ опушены

были березнякомъ — эта однообразная, но дикая, громадная, величественная природа, возстала передъ Ивасей — и онъ былъ не въ силахъ сидѣть долѣе среди польской столицы, на пушистомъ, баркановомъ диванѣ, вскочилъ, и — теперь только понялъ, что дѣйствительно любитъ Марію, свою Молли, и что ему чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, надо ѣхать на Уралъ!

Ивася покончилъ дѣла свои въ Варшавѣ скоро, много, много недѣли въ три, и поскакалъ опять домой. Онъ продалъ все недвижимое имѣніе свое, въ томъ числѣ и знаменитый дворецъ, и нашелъ въ прочихъ наслѣдникахъ и родственникахъ охочихъ и скорыхъ покупателей, потому что самъ былъ сговорчивый продавецъ. Онъ спѣшилъ продать все задешево, только бы покончить дѣло и выручить наличныя деньги.

Непонятно отчего Ивасѣ чувство, что онъ былъ урожденный полякъ, было какъ будто ново и непріятно, хотя нельзя придумать этому никакой благовидной причины. Онъ выросъ въ домѣ у поляка, Бублинскаго, былъ крещенъ Католическою

церковью, зналъ съизмала, что родители его поляки, хотя и не зналъ, что онъ сынъ графа Кочатковскаго; и при всемъ томъ, ему было какъ будто грустно при этой мысли и онъ, независимо отъ похожденій своихъ на Уралѣ, ни за что не согласился бы основаться осѣдлымъ жилищемъ въ Польше.

Прибывъ на родину свою, Ивася нашелъ тамъ ожидавшаго его Бернардина съ извѣстнымъ письмомъ. Если Ивася нашъ былъ изумленъ въ высокой степени извѣстіемъ, что онъ единственный сынъ и наслѣдникъ польскаго графа Кочатковскаго, новостію, къ которой онъ едва только начиналъ привыкать, то конечно письмо матери, которое говорило совсѣмъ другое и противное, должно было поразить его не менѣе. Прочитавъ письмо это, Ивася вдругъ вспомнилъ Савкину безтолковую сказку и долго просидѣлъ на одномъ мѣстѣ, подпершись локтемъ, и прочитывая отъ времени до времени послѣдній, да и то не живой голосъ матери.

Объяснимъ напередъ всю загадку, а потомъ уже и содержаніе таинственнаго письма.

Савкина сказка содержала почти отъ слова до слова довольно странныя похожденія младенчества Иваси. Графъ Кочатковскій былъ Савкинъ князь Крутояръ: Нѣкогда любимецъ послѣдняго короля польскаго, онъ впалъ впослѣдствіи въ немилость, принужденъ былъ, по гордости и неуклончивости своей, удалиться въ Россію и увезъ съ собою молодую, бездѣтную жену, не надѣясь даже имѣть когда нибудь наслѣдниковъ, потому что не могъ забыть пророчество какой–то цыганки, предсказавшей ему, что онъ не *увидитъ* дѣтища своего: графъ понималъ слово: не *увидитъ* въ томъ только смыслѣ, что дѣтей у него не будетъ. Но графиня вскорѣ обрадовала графа извѣстіемъ, которое, по видимому, должно было вскорѣ изобличить ненавистную цыганку во лжи. Между тѣмъ мать графини и тетка ея, вслѣдствіе причудливаго дѣдовскаго завѣщанія, по которому супругѣ

графа заживо доставалось значительное имѣніе, если она принесетъ первенца–сына, пріискали, про запасъ, къ сроку новорожденнаго мальчика, которымъ бы можно подмѣнить младенца графини, еслибы родилась дочь. Но родился сынъ, да сынъ шестипалый и по видимому хилый. Не сказавъ ни слова графинѣ, подложили ей вмѣсто его подготовленнаго, здороваго мальчика, коего родители приняли въ обмѣнъ шестипалаго ребенка ея. Черезъ нѣсколько времени мать графини, умирая, призналась самой ей въ подлогѣ — но не знали ни имени, ни мѣста жительства родителей обмѣныша, потому что дѣло шло черезъ бабку, которой уже не было на свѣтѣ. Кромѣ того, графиня даже опасалась разузнавать много объ этомъ происшествіи, какъ для того, чтобы не разгласить его, такъ и для того, чтобы не встрѣтить въ сынѣ своемъ какого нибудь страшнаго урода; къ тому же ее увѣрили, что дитя было слабое и не могло долго прожить.

Графъ вскорѣ былъ снова вызванъ въ Варшаву, обстоятельства сдѣлались для

него благопріятнѣе; онъ сначала поѣхалъ одинъ, съ тѣмъ, чтобы напередъ осмотрѣться на мѣстѣ, а потомъ выписать и графиню; но онъ самъ пріѣхавъ скончался, а она, получивъ это извѣстіе, поѣхала туда одна, передавъ подмѣныша, черезъ третьи руки, поляку же, Бублинскому, назначивъ ему за воспитаніе Иваси, значительную сумму и кромѣ того написала на имя Иваси ту часть огромнаго имѣнія своего, которою, могла, по законамъ, свободно располагать. Теперь графиня пересказывала все это въ письмѣ своемъ Ивасѣ, отказывала ему очень значительное имѣніе свое, но заклинала всѣмъ, что для него свято, добиться до положительнаго извѣстія о настоящемъ сынѣ ея, и, если онъ живъ, помочь ему чѣмъ и какъ будетъ въ состояніи и не оставлять его никогда, признать въ душѣ своей покрайней мѣрѣ братомъ. Вотъ содержаніе письма.

Если бы Ивася во время праздника въ Шпиговкѣ, именинъ или рожденія Мелаши, не заставилъ случайно Савку расказать сказку, то конечно не могъ бы теперь и

подумать о томъ, чтобы найти затеряннаго графёнка. Гдѣ его искать? Свѣтъ великъ, а примѣтъ и указаній никакихъ, ни даже имени или тогдашняго мѣста жительства продажныхъ родителей; — вспомните однакоже, что продажные родители эти, были родные родители Иваси и что отыскивая двойника своего, настоящаго графа, Ивася отыскивалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отца своего и мать. И такъ, онъ въ ту же минуту мгновенно вспомнилъ Савкину сказку — угадалъ, или почти угадалъ всю тайну и послалъ не медля ни мало бричку свою въ Шпиговку, съ запиской къ Сергѣю Сергѣевичу, въ которой просилъ убѣдительно отпустить Савку по очень нужному дѣлу хотя на одинъ часъ. А Савка, сѣлъ въ бричку эту Савкой — а вылѣзъ изъ нее, когда воротился, графомъ Кочатковскимъ; а вслѣдъ за нимъ вылѣзъ изъ той же брички бывшій Василій Федоровъ, бывшій графъ Василій Кочатковскій, а нынѣшній Савка, Савелій Грабъ.

Когда Савка пріѣхалъ въ село Бублинскихъ, не понимая за чѣмъ его повезли туда, то Ивася позвалъ его къ себѣ, заперъ двери и сказалъ ему прямо: «Савелій! Я вызвалъ тебя за важнымъ дѣломъ: растолкуй мнѣ сказку свою, про князя Крутояра, назови кого назвать можешь, кого знаешь, и не бойся ничего!»

Савелій глядѣлъ пристально на Ивасю, не зналъ что отвѣчать, и на повторенное требованіе его сказалъ: «Видно я виноватъ Василій Федоровичъ, я подурачился, что расказалъ такую сказку; коли вы сами что объ ней изволите знать, то будьте увѣрены, что у меня во вѣкъ мой объ ней помину не будетъ; а другіе, кто въ тѣ поры слушали, чай давно уже про нее забыли.» Савка чувствовалъ, что обнаружилъ большую тайну, принялъ встревоженное лице Иваси за выраженіе неудовольствія и потому отвѣчалъ ему извиненіемъ. Но Ивася вскорѣ добился истины и Савка въ свою очередь не могъ опомниться отъ изумленія, когда услышалъ, что передъ нимъ, въ лицѣ

Иваси, стоитъ подмѣнышъ его, настоящій Савка.

Савелій протянулъ лѣвую руку свою, вывернулъ ее нижнимъ краемъ ладони къ верху, указалъ Ивасѣ на очень явственный рубецъ и сказалъ: «Вотъ онъ, шестипалый, передъ вами; другой мизинецъ вырѣзалъ мнѣ какой–то полковой лекарь еще въ малолѣтствѣ, и помню я это какъ во снѣ.»

— Когда и какъ же ты попалъ въ крѣпостные къ Бабачкамъ? гдѣ и кто отецъ твой и мать? — «Одного, перваго отца, вы изволите знать лучше меня; я не зналъ доселѣ имени его и нынѣ въ первые отъ васъ слышу; а другой — мужикъ, крестьянинъ нынѣшнихъ господъ моихъ, Иванъ Грабъ. И онъ и мать живы о сю пору въ деревнѣ нашей, въ Шпиговкѣ; если изволите припомнить противъ самаго колодца хатка стоитъ, почище другихъ — она и выстроена на деньжонки, которыя взяли они тогда за сына.....» и остановился, вспомнивъ что проданный сынъ этотъ стоялъ теперь передъ нимъ. — Раскажи мнѣ, ради Бога, какимъ образомъ ты все

это узналъ и точно ли все это справедливо? — «Года тому съ четыре — продолжалъ Савка, или бишь Ивася, графъ Кочатковскій, то есть настоящій графъ, бывшій Савка — года тому съ четыре мать собиралась умирать и не думала что будетъ жива еще о сю пору. Стала ее совѣсть мучить, что я не крещенъ: она позвала меня одного, безъ отца, безъ свидѣтелей, и расказала все что сама знала, все изъ чего сложилъ я грѣшную сказку свою: что я не ее сынъ, а сынъ какого–то польскаго пана, котораго однако же не знала по имени; что меня подмѣнили ея сыномъ, который былъ уже крещенъ Савеліемъ — меня же приняли прямо съ рукъ бабки княжей не крещенаго, а крестить–де не льзя было, никакъ, потому что дитя ихъ было уже окрещено; по этому и осталось при мнѣ имя Савелія, а настоящій Савелій Богъ вѣсть гдѣ, на чужихъ рукахъ, да знать и подъ чужимъ именемъ; что она съ мужемъ согласилась на подмѣнъ этотъ, какъ во уваженіе ста червонныхъ, такъ и разсудивъ, что сыну ихъ, коли доживетъ и выростетъ, будетъ

лучше жить паномъ, чѣмъ мужикомъ; да еще и крѣпостнымъ — а что пріемышъ останется не крещенымъ, этого не обдумали и не знали, а нынѣ разсудили, что грѣхъ за это ляжетъ не на нихъ, они–де своего окрестили» и прочее, и прочее.

Но замѣтимъ еще, что Ивася былъ слѣдовательно крещенъ еще въ другой разъ, такъ сказать перекрещенъ въ католическую вѣру и названъ уже Базылемъ. Вотъ какая путанница родства, именъ, званій и житейскихъ отношеній — тотъ и другой Савелій Грабъ, тотъ и другой Василій Кочатковскій; тотъ и другой графъ, тотъ и другой крѣпостной и наконецъ тотъ и другой по отцѣ одного исповѣданія, а по воспитанію другаго; вся разница между ними, что одинъ крещенъ дважды, другой ни разу. Если это не двойники, то уже конечно двойниковъ нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ.

Ивася обнялъ и поцѣловалъ Савку, сказалъ ему: «мы братья, насъ связало и радость и горе и мы не разстанемся, если ты меня не покинешь: но молчи до времени, не говори никому ни слова, прежде всего

надо тебя выкупить; поѣдемъ сейчасъ же вмѣстѣ въ Шпиговку.» Законъ гражданскій былъ здѣсь на сторонѣ Иваси, потому что передъ закономъ никто кромѣ его не могъ разоблачить всѣ обстоятельства эти, никто не могъ доказать актами, которыхъ не существовало, истину; но Ивася въ душѣ своей не могъ уже сомнѣваться въ справедливости Савкиныхъ словъ, въ показаніи новыхъ родителей своихъ — наконецъ и шестой палецъ Савкинъ доказывалъ довольно убѣдительно истину его происхожденія — словомъ, Ивася съ этой минуты призналъ Савку законнымъ наслѣдникомъ и графомъ.

Двойники сѣли и поскакали. Ивася хотѣлъ–было упросить сейчасъ же Степаниду Ѳоминишну уступить ему все семейство Граба, за какую угодно цѣну — хотѣлъ также напередъ всего увидѣть и узнать наконецъ отца и мать — но доѣхавъ до Шпиговки, раздумалъ и передумалъ все это по многимъ причинамъ, и высадивъ Савку и велѣвъ ему молчать, покатилъ прямо къ маіору: ему разсказалъ онъ все,

просилъ его быть посредникомъ и кончить дѣло съ Бабачками — дѣло для Иваси въ самомъ дѣлѣ щекотливое: покупать роднаго отца и мать, объяснять въ тоже время Степанидѣ Ѳоминишнѣ настоящее положеніе дѣла, признать самого себя крѣпостнымъ ея — или даже утаить обстоятельства эти и выкупить Савку со всѣмъ семействомъ подъ другимъ предлогомъ — все это показалось ему лучше сдѣлать черезъ третіе лице, тѣмъ болѣе, что Степанида Ѳоминишна могла заупрямиться, узнавъ настоящее положеніе дѣла и отказаться отъ всякой сдѣлки.

Степанъ Власовичъ закричалъ въ одинъ голосъ: «чубараго у струментъ! хлопецъ, одягатыся!» — сѣлъ и покатилъ — а Ивася остался покуда спокойно у него, чтобы узнать скорѣе конецъ.

Каково ему теперь было? кто разберетъ и опишетъ чувства и мысли его? кто съумѣетъ поставить себя въ полной мѣрѣ на его мѣсто, обмѣняться на время съ нимъ своею особою, самоличностію, какъ и его самого нѣкогда подмѣнили?

Маіоръ вскорѣ воротился сладивъ дѣло. Степанида Ѳоминишна воспользовалась прихотью Иваси выкупить Савку со всѣмъ семействомъ, взяла деньги хорошія, но ей и въ голову не пришло, чтобы Ивася выкупалъ двойника своего и роднаго отца и мать; она бы распорядилась не такъ. Во всю жизнь свою не могла она забыть ошибки этой, опрометчивости и недогадливости своей и нашла одно только средство облегчать по временамъ душу свою: винить во всемъ Сергѣя Сергѣевича, и напускаться на него черезъ часъ по ложкѣ.

Ивася вошелъ въ воскресенье утромъ, когда зналъ что старикъ Грабъ долженъ быть не на работѣ, въ хату его, сѣлъ, разговаривалъ нѣсколько времени съ нимъ и со старухою, навелъ ихъ въ разговорѣ на извѣстное происшествіе, чтобы увидѣть, чѣмъ они помянутъ пропавшаго безъ вѣсти, сына, и вдругъ, обнявши отца и мать, самъ сказался сыномъ этимъ. «Охъ мини лышечко!» кричала перепуганная на смерть старуха — «охъ мини лышечко, сгубыла я

свою бидну головоньку....» Долго еще не могли они опомниться и большаго труда стоило Ивасѣ успокоить и вразумить ихъ и заставить понять развязку.

То–то былъ пиръ, для любознательныхъ помѣщицъ цѣлыхъ двухъ или трехъ уѣздовъ!! сколько было тутъ гону и разгону бѣднымъ мужицкимъ лошадямъ, сколько стуку и бряку знакомой уже намъ отчасти клёпани; сколько было тутъ татаканья и казаканья въ запуски со всѣми гусиными гуртами вселенной — долго, долго не могли угомониться и наговориться свашеньки, тетушки и кумушки наши, которыя все знали, а между тѣмъ ничего не знали; долго не могли онѣ порѣшить дѣло это и сдать его въ архивъ, хотя все шло безъ нихъ своимъ порядкомъ и никто объ нихъ не заботился.

Старикъ Иванъ Грабъ, старуха и подложный сынъ ихъ Савка, перешли вскорѣ на житье къ Ивасѣ, и это дѣло было на первый случай кончено; хотя Степанида Ѳоминишна и кричала что ее обманули, бранила Маіора, Ивасю, Сергѣя Сергѣевича, который–де ни о чемъ не

заботится и ничего не знаетъ — но благословляла, вздыхаючи вслухъ, судьбу свою, что Господь ее охранилъ и помиловалъ, что не отдала родной дочери, Мелаши, за крѣпостнаго своего мужика. Дѣло относительно имѣнія Иваси, бывшаго подъ опекою у Бублинскаго, о которомъ взялъ также на себя переговорить Пушка, было не такъ легко покончить и стоило бѣдному Ивасѣ многихъ хлопотъ и многихъ огорченій. Рѣшительно избѣгая тяжбы и желая при томъ кончить все какъ можно скорѣе, Ивася принужденъ былъ сойтись мировою, коею сдѣлалъ Бублинскому значительную уступку — и этотъ ни сколько не постыдился принять ее, а напротивъ, торговался какъ жидъ и написалъ своею рукою условіе, гдѣ оговаривалось между прочимъ особою статьею, что воспитанникъ его уступаетъ ему изъ благодарности, всѣ накопившіеся проценты и хозяйственныя приращенія за все время управленія и требуетъ только имѣніе свое въ такомъ видѣ, въ какомъ было оно передано Бублинскому за 20–ть передъ этимъ лѣтъ.

Ивася получилъ теперь отъ матери въ наслѣдство и недвижимое имѣнье — но онъ рѣшительно не хотѣлъ имѣть крестьянъ и деревень, это была не нынѣшняя, не новая причуда его, а давно уже вкоренившаяся въ немъ мысль, правило, намѣреніе, которое основывалось, въ сущности, на очень маловажномъ по видимому случаѣ, запавшемъ однакоже нашему Ивасѣ глубоко на душу и заставившемъ его призадуматься. У пани Бублинской была взята въ домъ, нѣсколько лѣтъ тому, изъ деревни кормилица; здоровая, видная, хорошая собою женщина. Ивася видѣлъ ее въ теченіе цѣлаго года каждый день, очень часто разговаривалъ съ нею, пускаясь въ душесловныя изслѣдованія простой, природной, не искаженной свѣтскимъ образованіемъ женской души и потому полюбилъ кормилицу эту, какъ умную и добрую бабу. Случилось, что Ивася увидѣлъ ее на селѣ, съ небольшимъ черезъ годъ, и онъ съ трудомъ только могъ ее узнать. Что съ тобою, Одарка, спросилъ онъ, хвораешь, что–ли? ты такъ похудѣла и

перепала, что я тебя было и не призналъ. — «Нѣтъ, панычу, отвѣчала смѣючись Одарка, я слава Богу здорова; да вѣдь вы знали меня только въ барскомъ домѣ; тамъ я отъѣлась, на боку лежа, небольшая работа покачать ребенка; а вѣдь теперь у меня ихъ дома своихъ четверо, да все хозяйство на рукахъ, да день деньской на работѣ, а ѣда мужицкая, тощая, это не то, что бывало прежде.»

Ивася призадумался; въ первый разъ предстала ему мысль, что человѣка можно откормить, какъ скотину, и можно изнурить работою, какъ вола, который не прослужитъ конечно столько же времени подъ ярмомъ, сколько прожилъ бы на вольной волѣ. Ивася сталъ смотрѣть съ этихъ поръ на крестянина и на потовую работу его съ другой точки, испыталъ самъ, своими руками, всѣ роды работъ: пахалъ, косилъ, молотилъ, жалъ, увидѣлъ на дѣлѣ, чего стоитъ это и каково оно отзывается, и много ли приноситъ на человѣка; убѣдился также, что этому никто не виноватъ, что все это основано на природѣ вещей, что и

самые добрые, человѣколюбивые помѣщики и хорошіе хозяева, могутъ конечно облегчить нѣсколько благоразумными распоряженіями бытъ крестьянскій, но сущности дѣла измѣнить не могутъ. Вотъ почему Ивасѣ не хотѣлось брать всего этого на душу — въ особенности когда однажды расчиталъ, что за пару бальныхъ перчатокъ, которыя онъ кинетъ въ тотъ же вечеръ, крестьянинъ долженъ работать на него, ходить на эту ненавистную панщину, два или три дня. Если все это составляетъ необходимое зло, то пусть берется за него кто хочетъ или можетъ, а не я, подумалъ Ивася, продалъ имѣніе свое не съѣздивъ даже туда, не взглянувъ на него, чтобы не стало у него тяжело и безотрадно на сердцѣ.

За тѣмъ, Ивася передалъ Савкѣ все, что получилъ въ наслѣдство, какъ сынъ графа Кочатковскаго, а самъ оставилъ себѣ только ту часть, которую получилъ отъ матери. И вотъ еще другая причина, для чего онъ все имѣніе перевелъ на наличныя деньги: онъ не могъ передать Савкѣ

недвижимое имѣніе, крестьянъ. Такимъ образомъ Савка сдѣлался гораздо богаче Иваси. Но Савка не хотѣлъ этого слышать; отдѣлываясь шуточками со слезами на глазахъ, онъ сказалъ наконецъ: «да что я вамъ за подлецъ дался, чтобы я сталъ еще обирать васъ!» Степанъ Власовичъ наконецъ обоихъ помирилъ, перецѣловавъ ихъ и велѣвъ имъ все раздѣлить между собою пополамъ. Ивася былъ счастливъ въ душѣ, что сдѣлался, сверхъ всякаго чаянія, Русскимъ, досталъ метрическое свидѣтельство о первоначальномъ крещеніи своемъ, просилъ отца, чтобы онъ благословилъ его тѣльникомъ и помѣнялся имъ съ Савкою, носившемъ тотъ же самый крестикъ, который былъ, въ былое время, на Ивасѣ. Новые побратимы, побратанцы, названые братья, жили съ этого времени, какъ мы скоро увидимъ, неразлучно. Но Ивася не уступилъ честнаго имени своего названному брату, а сталъ именоваться отнынѣ, въ силу свидѣтельства о крещеніи, Савеліемъ Грабомъ; а Савка много смѣялся и острилъ на свой счетъ, когда онъ былъ

признанъ паномъ Грабіемъ Базылемъ Кочатковскимъ — и махнувъ рукой, сказалъ: «ну его, графа того, къ семи Семіонамъ! ты будешь Савелій Грабъ, я буду Савка Грабъ — ты будешь Ивановичъ, по батюшкѣ, а я, какъ уже затесался также нынѣ въ *овичи*, буду Ѳедоровичъ; вотъ тебѣ и шито и крыто и концы въ воду!»

Бывшій Ивася, нынѣшній Савелій Грабъ, списавшись напередъ съ Давидсономъ, пріѣхалъ на Уралъ самъ–другъ, съ новымъ графомъ, и основалъ вмѣстѣ съ нимъ и съ помощію Давидсона заводъ, который пріобрѣлъ нынѣ уже большую извѣстность. Бывшій Савка, нынѣшній графъ, сдѣлался вскорѣ такимъ машиннымъ мастеромъ, что и самъ старикъ Давидсонъ не разъ съ нимъ совѣтовался, какъ устанавливалъ на заводѣ своемъ новую паровую машину, огромную и сложную. Мы говорили уже при самомъ началѣ, что Савка былъ самоучкой большой источникъ и художникъ на всѣ руки; увидавши кой–что нужное и поучившись практически, на англійскій манеръ, онъ

постигъ всю сущность механики и она сдѣлалась любимымъ его занятіемъ.

Похожденія и приключенія двойниковъ нашихъ были расказаны ими обоими за вечернимъ самоваромъ Давидсона и общее удивленіе и участіе возрастало непрерывно до поздней ночи. Молли не откинулась отъ — какъ его назвать? — отъ бывшаго Вилліама, за то, что онъ сталъ нынѣ Савеліемъ — а Давидсонъ продолжалъ называть его Miэter Fedoroff, по старой привычкѣ, даже и тогда, когда Молли была уже законною женою Савелія Граба. Черезъ годъ со днемъ, новый графъ женился на второй дочери Давидсона — а тутъ подъѣхалъ къ нимъ въ помощники, по письменной и счетной части, Евстратъ Богдановичъ Горемыкинъ, съ молодою супругою, Меланьею Сергѣевной. Какъ это случилось? Очень просто; Степанида Ѳоминишна *по нечаянности* скончалась — какъ выражался самъ Сергѣй Сергѣевичъ — а этотъ, желанію и счастію дочери не противился.

Родители Иваси, двойника Савки, ѣхать изъ Малороссіи не пожелали и были очень, очень довольны, когда вновь пріобрѣтенный сынъ купилъ имъ хуторокъ, неподалеку отъ родины ихъ, съ садочкомъ, въ которомъ были вишни, яблони, груши и сливы. Старикъ, подчищая деревья свои, благословлялъ сына, и послѣ каждаго осенняго сбора плодовъ, отправлялся въ синей свиткѣ своей и высокой смущатой шапкѣ, съ поповскимъ посохомъ въ рукахъ, въ Шпиговку; оттуда увѣдомлялъ онъ сына — черезъ посредство краснорѣчиваго пера церковнаго причетника — объ урожаѣ, не забывая ни одного разу объяснить причетнику снова, что тамъ, «ажъ пидъ самисинькимъ Катрынбургомъ» у сына его свой собственный *зализный* и *мидный* заводъ и что сынъ его угодилъ въ графы.

Ивася, составивъ себѣ вмѣстѣ съ Савкою огромное состояніе, убѣдился на дѣлѣ, что Давидсонъ не хвасталъ, а говорилъ правду: Уралъ нашъ воздаетъ сторицею труды, заботы и издержки наши — но надобно быть самому

заводчикомъ, или покрайней мѣрѣ положиться на честнаго и знающаго человѣка и думать не за одинъ годъ, а за все будущее время; то есть, не требовать, чтобы заводъ выручалъ нынѣже какъ можно болѣе, чтобы управляющій высылалъ только какъ можно болѣе наличныхъ денегъ, которые необходимы для пировъ, раутовъ, баловъ, обѣдовъ и праздниковъ на дачѣ — въ столицѣ — а привести сперва заводъ въ надлежащее состояніе, въ полную исправность, заниматься имъ какъ цѣлью жизни своей, а не какъ средствомъ жить — тогда онъ будетъ содержать и себя и хозяина своего, а въ противномъ случаѣ оба раззорятся.

—

Я позабылъ еще сказать, что Сергѣй Сергѣевичъ съѣздилъ въ Кіевъ на контракты и привезъ себѣ кіевскія гусли, чистой отдѣлки и очень звучныя. На крышкѣ были, какъ водится, три картины изъ ветхаго завѣта, разгороженныя одна отъ одной золоченой филенкой:

Столпотвореніе Вавилонское, поклоненіе златому тельцу и цѣломудренная Сусанна.

КАЗАКЪ ЛУГАНСКІЙ.